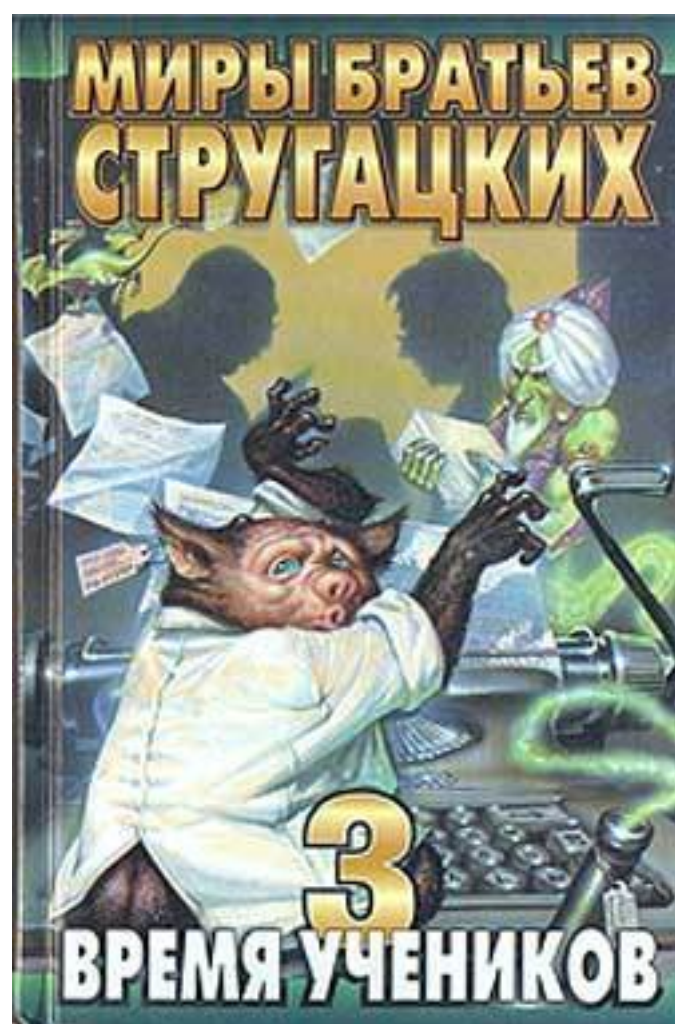

Александр Щёголев
Агент Иван Жилин

«Щеголев Александр Геннадьевич»

Щёголев А. Г.

Агент Иван Жилин / А. Г. Щёголев — «Щеголев Александр Геннадьевич»,

Этот сокращенный БОЛЕЕ ЧЕМ ВДВОЕ роман ранее издавался в виде повести «Пик Жилина» в проекте «Миры братьев Стругацких. Время учеников». Здесь впервые выложен полный его вариант, ранее не публиковавшийся.

© Щёголев А. Г.

© Щеголев Александр Геннадьевич

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	26
Глава пятая	33
Глава шестая	45
Глава седьмая	52
Глава восьмая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Александр Щёголев

Агент Иван Жилин

Вселенная братьев Стругацких

*Прощальные стихи
на веере хотел я написать, –
в руке сломался он.
Басё, сын самурая.*

Глава первая

- Консервы, – с сожалением констатировал таможенник. – Зачем они вам?
- Странный вопрос, – улыбнулся я. – Угадайте с трех раз.
- Вы употребляете в пищу мясные консервы?
- Угадали.

Он укоризненно взглянул мне в глаза, вздохнул и ничего не ответил. Мой чемодан лежал перед ним на столе. Крышка чемодана была откинута, незамысловатый багаж одинокого путешественника выставлен напоказ. Я ощутил легкое раздражение.

- Надеюсь, мясопродукты не подлежат у вас изъятию?

– Нет, конечно, – снова вздохнул таможенник, взял тонкими длинными пальцами одну из пластиковых банок и принялся ее брезгливо разглядывать. – Вам, наверное, опытные люди посоветовали взять это с собой?

Я развернулся на сто восемьдесят градусов и огляделся. Другие пассажиры, прибывшие тем же рейсом, свободно проходили через турникеты, не задерживаясь возле барьеров дольше обычного. Предъявить вещи к досмотру попросили меня одного.

- Вы тот самый Иван Жилин? – спросил он тогда меня в спину.
- В каком смысле «тот самый»?
- Вы указали в анкете, что по профессии писатель.
- Ах, вот из-за чего по отношению ко мне проявлена такая строгость.
- Я почему-то подумал, – смутился таможенник на секунду, – что вы – тот самый Жилин.

Простите, если ошибся.

Понять, шутит он или нет, было непросто, поскольку взгляд его сосредоточенно шарил по моему чемодану, не участвуя в разговоре. Нормальный с виду парень, лет двадцати пяти. Форма очень шла его честному лицу, как и этот белый барьер, как и вся эта ситуация. Некоторые люди рождаются, чтобы быть стражниками, и ничего тут не поделаешь. Закончил училище, конечно, с отличием, и конечно же, не пьет и не курит, и с девушками, надо полагать, у него тоже все в порядке. Вот только мясные консервы почему-то невзлюбил. Или вдруг заподозрил, что в банках на самом деле что-то спрятано, и теперь заговаривает мне зубы, незаметно орудую зашитым в манжетах томографом?

- Что же вы памятку невнимательно прочитали? – укоризненно спросил он, не поднимая глаз. – Алкоголь ввозить запрещено. Мне очень жаль.

– Здесь что, сухой закон? – вновь повернулся я к нему, пытаясь показать, что эта новость ничуть меня не потрясла.

– Нет, спиртные напитки разрешено продавать и даже производить. И, тем более, их можно употреблять.

- Еще бы! Что же тогда нельзя?

– Только ввозить.

– Какая чушь, – сказал я.

Его губы тронула улыбка, но он промолчал.

– Всего две бутылки, – подмигнул я ему. – Лучшему другу. Он на меня обидится, если я заявлюсь просто так, можно сказать, без повода, особенно когда у него день рождения. Ну, так как?

Парень придвинул ко мне чемодан и произнес, испытывая явную неловкость:

– Можете сдать водку на хранение, а на обратном пути получите ее в целости. Прошу вас, товарищ Жилин. Вы только не волнуйтесь...

Волноваться не было причин, ведь порядок – он порядок и есть. Я собственноручно вытащил несчастные бутылки «Скифской» и поставил их перед суровым таможенником. Стас, конечно, не обидится, озабоченно думал я, даже полвопроса не задаст, тут я перегнул палку, Стасу достаточно меня самого, что с подарком, что без. И ребята будут рады, и малыш ректор, но... Черт вас всех заберите! «Скифская» – любимый сорт Стаса, я специально искал в магазинах. У него ведь и правда завтра день рождения, удачно я подгадал с поездкой. Если не ошибаюсь, завтра ему ударит полста. Это, знаете ли, дата. Ей-богу, обидно: я ведь этой водкой просто хотел сделать ребятам приятное, показать, что до сих пор помню их вкусы. Семь лет мы не виделись, а семь лет назад, когда заварушка закончилась нашей общей победой, мы пили именно «Скифскую», именно Курского розлива, и даже Татьяна с Анджеем, хоть и были принципиально непьющие, нагрузились до полного непотребства...

– Дарю, – сказал я таможеннику. – На обратном пути мне это уже не понадобится.

– Сейчас, – засуетился он, – я выпишу вам квитанцию.

– Лучше выпей за мое здоровье, дружок. Со своей подружкой, если она у тебя есть. Как я догадываюсь, ничего кроме здоровья ты в этой жизни не ценишь.

– И еще я обязан предупредить вас о том, что в анкете следует указать истинную цель визита, а также истинный род занятий. – Таможенник оправил форму, хотя, оправлять там было решительно нечего, он стряхнул с себя неловкость, как стряхивают прилипшую к пальцам паутину, и объявил: – У нас не лгут. Любая ложь в анкете – это основание для высылки, – и вдруг улыбнулся. – Если вы, к примеру, шпион, так и напишите – шпион. Если вы приехали сюда с целью совершить кражу, не стесняйтесь сознаться, что вы вор...

Мы оба посмеялись.

– Не беспокойтесь, – стал он серьезным, – дальше таможенного поста бумаги не уходят. Пока, разумеется, вы не нарушите закон.

– Я не нарушу закон, – сказал я. – И я действительно приехал навестить друзей. А вы, значит, никогда не врете? Вы лично?

– Даже по долгу службы.

– Как интересно. Сами не врете, а другим не доверяете.

Я взял чемодан под мышку и пошел в коридор, а он с улыбкой произнес мне вслед:

– И все-таки вы похожи на скульптунру, товарищ Иван Жилин.

– Что? – я приостановился.

– Я уверен, что вы захотите жить иначе. Желаю вам здоровья.

– Что ты сказал насчет скульптуры, дружок?

– На площади есть скульптурное сооружение. Вы его обязательно увидите.

Не люблю таможенников, думал я, преодолевая кондиционированное пространство вокзала. С их внешней правильностью, которая, как правило, только внешняя. Хотя, здоровья он мне пожелал, по-моему, искренне. Какая сказочная наивность, думал я, проходя сквозь аркаду на привокзальную площадь. Нормальный человек не может всерьез воспринять обещание, будто бы за правду ничего не будет, какая бы она ни была, так на кого же они тут рассчитывают? Или сюда теперь ездят только ненормальные? А может, этот суровый вегетарианец

валял дурака, не в силах побороть свою странную нелюбовь к писателям? Поистине здешний рай для туристов сильно изменился, думал я, вдруг ощутив себя старым и даже устаревшим...

Пахло морем. Невероятно пахло морем – как только и может пахнуть на привокзальной площади курортного города, продуваемого всеми ветрами, и запах этот есть первое, что обнаруживает путник, вернувшийся сюда после многих лет разлуки. В запахе этом – долгожданная свобода. Уже к вечеру я перестану его замечать, но сейчас, вытряхнутый из комфортабельной клетки скоростного поезда, я был именно таким путником. И еще пахло пылью... Некоторое время я тупо принимался. Кому и зачем понадобилось портить воздух столь неудачным ароматизатором? Или это уличные фонары вдруг разладились? Я удивлялся, пока не сообразил, что пыль-то настоящая, и тогда я удивился еще больше. Просто каменная мозаика пешеходной зоны, равно как и асфальт в центральной части площади, почему-то не были покрыты статиком. Южное солнце свирепело с каждой минутой, нагревая Землю, и пыль устремлялась с потоками воздуха вверх, в сторону Космоса... Прошла поливальная машина, освежая асфальт водичкой. Пробежал сосредоточенный молодой человек, мерно работая конечностями и шумно дыша носом, за ним – девушка. Красивые загорелые тела, широкие шорты и майки. Пробежала спортивного вида дамочка – еще одна любительница здорового образа жизни. Роскошный старик, обнаженный по пояс, делал на газоне гимнастику. Кроме этих чудачков народу было мало. Город еще просыпался, пестрые группы людей наблюдались только возле стоянки кибер-такси и вертолетной площадки. Мои попутчики успели разбрестись кто куда. Жизнь вокруг была вялой, блеклой, совсем не такой, как потоки бриллиантовых брызг из кранов поливальной машины.

Я осматривался, тщетно пытаясь разжечь в себе хоть искру сентиментальности. На крышах домов в противоположных концах площади имели место две гигантские надписи, которые, надо полагать, по вечерам горели огнем, и которых, разумеется, раньше не было и не могло быть. Одна гласила: «ЦЕНА ЗДОРОВЬЯ – ЖИЗНЬ. ВСЯ ПРЕЖНЯЯ ЖИЗНЬ», другая: «МЫ – ДЕТИ ПРИРОДЫ». Над домами торчала игла нового телецентра, который семь лет назад лишь начинали строить. Как прежде, радовал глаз неугомонный фонтан, в изобилии стояли пальмы, цветастые тенты и павильоны. Скучали без дела механические носильщики. И не было никакой скульптуры. Где же скульптура, призвал я к ответу всех таможенников разом, но не было мне ответа...

Таможенный офис также оказался на прежнем месте, и вот это как раз было самым удивительным, если вспомнить, какая участь его постигла. Я мстительно повспоминал. Стас ударил ракетой точно в сейсмический шов, в первый этаж, с расстояния не больше ста метров, и железобетонная коробка начала складываться внутрь себя, дома-то в городе ставят без нормального фундамента, кому охота забивать сваи в скальную породу, но Стас не пожалел вторую ракету, добив ненавистный символ прежнего порядка. Сотрудников в здании давно уже не было, люди из этого района разбежались сразу, едва мэрия огласила список объектов с особым порядком управления, куда конечно же попал и вокзал... Ректор сгоряча предлагал отдать сорвавшегося бойца под трибунал, но дело ограничилось временным выводом его из состава Совета. В тот день зверски зарезали сестру Стаса. Сделал это один из слегачей, перепутавших свой грязный сон с реальностью, и когда безумца скрутили, им неожиданно оказался начальник таможни. Случилось это уже после бунта слегачей. Психоз, незримо тлевший в голове чиновника, вспыхнул адским пламенем, вырвался на волю, и человек пошел развлекаться на улицу, одолжив у своего садовника секатор для подрезания ветвей...

Вот оно, передо мной, уничтоженное таможенное управление. Восстало из бетонного крошева, напомнив умным людям, что свобода – это только иллюзия. Неужели Страна Дураков все-таки победила, неужели она всегда побеждает? Три этажа бетона, металла и стекла; широкий козырек под крышей, предохранявший окна начальников от прямого солнечного света. Словно дубликат здания привезли со склада. Или нет, не так – рухлядь торжественно достали

из захламленного чулана и, наспех сдув пыль, объявили ее чистой, а пыль повисла над городом, медленно отравляя воздух... Ага, у писателя заработала фантазия, мысленно усмехнулся я. Включился генератор пафоса. Это не страшно, это мы выключим. Просто ребята из местного Совета всерьез верили, что настало время жить без границ и таможен, без запрета на иммиграцию и так далее. Планировали, что разместят здесь электронную библиотеку, в которой под патронажем Университета откроется международная школа юных программистов, чтобы родители везли сюда детишек со всего света. Где они, эти мечты?

Я развернулся, потому что за моей спиной кто-то стоял.

Не люблю, когда ко мне молча подходят со спины – у меня начинает чесаться между лопатками и хочется сделать что-нибудь резкое. Привычка, выработанная годами бурной жизни.

– Здравствуйте, Ваня, – сказал человек тихим голосом, и сказал он это на чистейшем русском языке. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Очевидно, он ждал, что я его узнаю. Я его не узнавал, и тогда человек с явным облегчением улыбнулся:

– Вы не меняетесь, Ваня. Такой же громадный, такой же жуткий, как и были. Где ваша знаменитая клетчатая рубашка?

– Привет, – откликнулся я. – Рубашку я не надел, потому что прибыл инкогнито. Мы что, знакомы?

– Это я вас вызвал.

– Вот как? – я вежливо удивился. – А я, наоборот, никого не вызывал. Вы, надо полагать, гид? Обслуживаете туристов?

– Я всех обслуживаю, даже тех, кто об этом не просит.

– Нетрадиционный подход. Но мне, большое спасибо, проводимые не нужны. Только не обижайтесь. Еще раз спасибо.

Я поднял с земли чемодан, решая, куда двинуться. Собеседник меня не заинтересовал, как бы обидно ему ни было. Что-то знакомое и вправду чудилось в его простоватом лице, что-то крепко забытое, какие-то запахи, голоса, и теснота, и жара, и холод, но прошлая жизнь давно уже не вызывала во мне никаких чувств, кроме досады. Никаких чувств. Пробудить мое любопытство способно было одно лишь будущее и, в некоторой степени, настоящее.

Сразу отправиться к Дим Димычу, в Строгий Дом, размышлял я. Исполнить то, ради чего, собственно, весь сыр-бор... Или начать следовало с другого? Можно было пойти в отель и разыскать кого-нибудь из наших. Можно было с ходу, не сходя с этого места, позвонить местным, тому же Анджею Горбовски с его великолепной Татьяной. Или усесться вот здесь, под тентом крохотного уличного ресторанчика, и позавтракать, жуя вместе с вегетарианским пшеницелом столь же нелепые воспоминания? Больше всего мне хотелось вернуться в здание вокзала и уехать обратно.

– Не хотите отойти? – предложил незнакомец, обогнув меня сбоку. Незнакомый знакомец. Почему-то он был еще здесь, никуда он не делся, настырный малый.

– Зачем?

– На нас смотрят.

На нас действительно смотрели, я и сам это уже заметил. Вернее, заметил не я, а тот мнительный и крайне неприятный во всех отношениях человек, который поселился в моей голове как раз со времен славного боевого прошлого. Уличный ресторан, рядом с которым я остановился, не был пуст. Под широким полотняным навесом возле входа, почти касаясь затылком зеркальной витрины, сидел единственный клиент. Судя по всему, он сидел здесь прочно и долго. У мужчины было широкое скуластое лицо, широкий приплюснутый нос и характерный цвет кожи. Очевидно, выходец из Латинской Америки – метис, а то и чистокровный индеец. Мексиканец, каких обычно рисуют на карикатурах. Впрочем, почему бы ему не быть мексиканцем? Ау, мистер Джек Лондон, не ваш ли это герой? Он потягивал что-то без-

алкогольное и делал вид, будто вовсе на нас не смотрит, будто не нужны мы ему вовсе. Кого он хотел обмануть? Человечка, прогрызшего дырки в моей голове?

Чистейшая паранойя. Профессиональная болезнь всех бывших агентов, ушедших на пенсию писать мемуары. Я пошел по аллее, а знакомый незнакомец зашагал рядом.

– Вы про того индейца? – спросил я шепотом.

– Это накОм, – так же шепотом откликнулся гид. – Нет, я не его имел в виду.

– Наком?

– Не настоящий, конечно, – поморщился он. – Дело совсем не в нем... и не в них...

Я осторожно осматривался. Паранойя, уговаривал я себя. Что ж ты не угомонишься никак, старый вояка, стыдил я себя... В густой тени таможенного офиса пряталась сувенирная лавка. Покупательницей была пожилая дама, которая, присев прямо на прилавок, рассеянно перебирала подушки со значками. Симпатичная такая старушка, крохотная, но довольно пышных форм, в вязаной панаме кораллового цвета, прикрывающей жидкие седые кудри, в льняных брючках и парусиновых туфлях. Не о ней ли говорил мой спутник, намекая на слежку? Она-то как раз и смотрела на меня – в открытую разглядывала, вполне бесцеремонно. Или я заинтересовал пожилую даму просто как мужчина?

– Так в чем же дело, дружок?

– Я не гид, Ваня, – застенчиво признался странный человек. – Вы, наверное, не поняли. Это ведь я во всем виноват.

– В чем?

– Хотя бы в том, что вы приехали в эту страну. Это я вас сюда вызвал.

Сумасшедший? Или они здесь так развлекаются? Я посмотрел на него внимательно. Я плохо на него посмотрел, не лучше того профессионального наблюдателя, который позаимствовал у Джека Лондона авторские права на свою национальность. Даже переложил на всякий случай чемодан из правой руки в левую: правая у меня ударная.

– Разумеется, – приветливо кивнул я ему. – Все в порядке, дружок, я же не против.

Он избегал моего взгляда.

– Смеетесь, Ваня. Правильно, я бы тоже на вашем месте смеялся. Жаль, что у нас почти не осталось времени поговорить... – Собеседник внезапно прервался и остро взглянул вверх. – Те, кто на нас смотрит, спустятся на вертолете, – он показал пальцем. – Оттуда.

– Вертолет тоже вы вызвали?

– Нет, вертолет вызвали те, кто нас сейчас подслушивает.

Ого, подумал я. Мания преследования. Забавно началось утро, нельзя не признать. Впрочем, этому человеку, вероятно, нужна помощь, а я тут шуточки шучу вместо того, чтобы снять с пояса радифон и срочно позвать более компетентных собеседников...

– Да вы не волнуйтесь, – сказал он, – все кончится хорошо. Запомните, пожалуйста, главное. То, что предназначено для вас, находится в камере хранения. Пароль ячейки совпадает с названием бара, в котором мы с вами когда-то познакомились, а номер ячейки – это номер в гостинице, куда вы меня тем же вечером отправили. Ну как, припоминаете что-нибудь? Только не произносите, пожалуйста, ничего вслух.

Ничего я не припоминал, хотя, его лицо и было мне знакомо. Если человек с тобой здоровается, а ты не можешь понять, кто он такой, значит, он в твоей жизни не значил ровным счетом ничего. В твоей прошлой жизни...

– Кто вы такой? – спросил я.

– Надо же, как сильно я изменился. Это хорошо. Когда вы меня вспомните, Ваня, прошу вас, не бегите сразу в камеру хранения, дождитесь момента истины. Вы межпланетник, вы все поймете правильно. То, что предназначено для вас – ваше и только ваше, но я хочу, чтобы вы не торопились. Не торопитесь, Ваня.

Он странно улыбнулся. И наши взгляды наконец встретились. В глазах его была смертельная тоска.

– Вы все поймете правильно... – успел повторить он, прежде чем разговор кончился.

Звук возник резко, внезапно, заполнив собой мир, и пришел этот звук с неба. И еще – ураганный ветер. Рев двигателя. Я поднял голову – на аллею, едва не срезая лопастями пальмы, опускался могучий штурмовой «Альбатрос». На пятнистом корпусе не было ни опознавательных знаков, ни номера, была только невразумительная буква «L». Очевидно, вертолет подкрался, используя новейшую акустическую и оптическую защиту. А потом что-то произошло, словно искра соскочила со лба винтокрылой машины, оставив в воздухе невесомую паучью ниточку, и земля под ногами дрогнула, и стало невероятно свежо, именно так, как всем хотелось в это насыщенное солнцем утро, порыв ветра сделал изображение расфокусированным, плоским, свет разъедал глаза, как кислота, но не нашлось сил, чтобы просто прикрыть веки, зато звуки приобрели очерченность, контрастность, и еще было странное ощущение в горле и в груди, потому что вдруг оказалось, что я перестал дышать, и тогда я вспомнил, что все это со мной уже случалось, когда в Маниле наша группа поймала импульс диверсионного парализатора. Мысли текли медленно, как клей из опрокинутой банки. Эти тоже сбросили парализатор, медленно подумал я. Кто «эти»? С борта вертолета один за другим спрыгивали безликие пятнистые фигуры, их прыжки были такими же тягучими, как мои мысли, как все вокруг. А потом я упал.

Мир повернулся набок, и стал виден гарпун антенны, воткнувшийся в газон – между киоском мороженщика и цветочными часами. Ага, вот откуда в пространство ушли вибрации, заморозившие любое живое движение в радиусе десяти метров! Мороженщик лежал, вывалившись из двери своего киоска. Лежал старик, занимавшийся на газоне физкультурой. И только мой знакомый параноик, которого я не успел сдать дежурным психиатрам, удирал прочь. Он бежал нестерпимо медленно, высоко задирая локти. Неужели есть люди, неторопливо размышляя я, на которых парализатор не действует? Чудеса. Такому бы в антитеррористических отрядах служить, а не развлекать туристов в этом провинциальном рае... Одна из безликих фигур отработано присела на колено, прицеливаясь из вакуум-арбалета. Сверкающая черта бесшумно пронзила воздух. Бегущий по площади человек взмахнул руками и опрокинулся на спину.

Движение еще замедлилось, хотя, казалось бы, куда уж больше. Кто-то уносил подстреленное тело с асфальта и затем грузил его за руки за ноги в вертолет. Кто-то вынимал из земли антенну, кто-то обыскивал, переговариваясь по радиотелефону, лежащего на земле свидетеля и его багаж (свидетелем был я), наконец – прощально взревели моторы, и все звуки разом стихли, как будто штепсель из розетки выдернули. И все вокруг остановилось. Не осталось ничего, кроме моих слабо шевелящихся мыслей, а потом остановились и они.

Глава вторая

– Я читал роман одного русского, по фамилии Жилин, – сказал лейтенант. – Он над нами немножко посмеялся. Вы имеете к этому писателю какое-то отношение?

– А вы подозреваете всех русских, – уточнил я, заставив деревянные губы двигаться, – или только тех, кто с фамилией Жилин?

– Ну что вы! – расцвел он улыбкой. – Русских я обожаю, сумасшедшая нация. Когда ООН сняла блокаду, к нам приехало много добровольцев из Советского Союза, и большинство здесь осело. И, между прочим, не одна молодежь. Вы читали Строгова?

– Да как вам сказать...

– А я, знаете, люблю его книги, жаль только, ничего нового он давно не издавал. Так вот, старик теперь живет у нас. Вы знали об этом? Поселился основательно, купил дом, и, по моему, этот факт знаменует собой некую глобальную закономерность... Нет, нет, сумасшедшая нация! И Жилин ваш был сумасшедший, я о романисте, иначе не принял бы участие в нашей революции. Вы помните, как он описал наш город?

– Я не читаю путеводителей.

– Путеводитель! – хохотнул полицейский. – Это вы хорошо выразились, надо будет рассказать ребятам на активе...

В боксе я лежал один, да и во всем госпитале, насколько я понял, больных было мало. В этом городе не любили болеть. Я тоже терпеть не мог болеть, но мне сказали: «Лежите», и я выполнял. Спазмов больше не было, разговаривать и даже мыслить я мог уже вполне свободно. Слух, нюх и прочие чувства вернулись, и вместе с ними вернулось чувство полной ненужности происходящего. Время текло мимо распластавшегося на простыне тела... Не знаю, кто допрашивал остальных свидетелей. Меня развлекал вот этот вот начитанный толстяк. Или, наоборот, я его развлекал?

– Хорошо, что вы не читали ту книжку, – продолжал лейтенант. – Я говорю о «Кругах рая». Иначе у вас сложилось бы неправильное мнение о работе местной полиции, вернее, сложилось бы мнение, что никакой полиции здесь не было вообще. И не помогли бы никакие ссылки на то, что дело было до революции. Просто у полиции рук на все безобразия не хватало.

– Вредная книжка, – согласился я. – Мне становится стыдно, что я тоже Жилин.

Он опять хохотнул.

– Шутите? Это признак здоровья. Русские умеют по-настоящему шутить над собой.

В дверь просунулось маленькое веснушчатое лицо, утонувшее в красно-зеленой форменной панаме, и сообщило неожиданным басом:

– Товарищ лейтенант, сюда едет Бэла. Только что был звонок.

– Спасибо, Лесо.

– Бэла передает привет Ивану. Иван – это он?

– Это он, – откликнулся я.

Мой офицер привстал и поправил форму.

– Вот и начальство проснулось. Вы что, знакомы с Бэлой?

– С кем только я не знаком на этой планете.

– Тогда, не считите за бестактность... – несмело проговорил он. – Думаю, что вы имеете прямое отношение к упомянутому мной человеку, который столько сделал для нашей страны.

– А сам вы, кстати, не имеете отношения к одному знаменитому авиатору? – поинтересовался я у него, нахально меняя тему. – Ваш тезка. Тоже был русский, правда, давно умер.

– Какому авиатору?

– Который, помимо прочего, изобрел вертолеты. Хищную птичку по имени «Альбатрос» как раз его фирма сделала. Вашего прапрадедушку случайно не Игорем звали?

Лейтенант носил звучную фамилию Сикорски и был, вероятно, неплохим мужиком, хоть и не знал ничего про своего знаменитого тезку Игоря Ивановича, создателя вертолетов. Был он лет сорока, и еще был он упитанным, улыбчивым и разговорчивым. Но главной его достопримечательностью были круглые большие уши, торчавшие в разные стороны – как ручки у сахарницы.

– Мои прапрадедушки выращивали маслины, – с сожалением ответил он. – И сам я выращивал маслины, пока друзья не уговорили меня стать полицейским...

Наша беседа началась уже давно, и довольно любопытным образом. Я с такой тактикой ведения допроса до сих пор не встречался. Вместо того, чтобы пугать свидетеля нечеловеческой пронизательностью или агрессивной тупостью, лейтенант Сикорски принялся делиться воспоминаниями о своих болячках. Возможно, решил, что психологическая поддержка прежде всего, а может, просто человек был такой. Оказывается, лейтенант всю жизнь чем-нибудь болел и к тридцати годам приобрел полный джентльменский набор – остеохондроз, гипертония, гастроэнтероколит, холецистит и что-то еще, во что мне вникать решительно не захотелось. Куда смотрят врачи, с ужасом спросил я, не понимая, к чему он клонит. Как вас вообще в инспектора-то взяли с таким послужным списком? В том-то и штука, торжествуя, объявил полицейский, что теперь я здоров! Я научился жить иначе, сказал он, и в этом мое счастье. Мы все научились жить иначе. Вы все дружно стали вегетарианцами, поддержал я по мере сил эту неловкую беседу. Он отмахнулся. Вегетерианство – только шаг, только декорация. Кто-то считает, что вегетарианство по сути грех, гордыня в чистом виде, и тем оправдывает свои маленькие слабости, кто-то, наоборот, находит свой покой в самоограничении. Лично я, признался лейтенант Сикорски, в этом смысле совершенно безыдейный, я просто придерживаюсь рационального питания. Секрет в другом, сказал он мне, и вот это уже не декорация. Здоровыми становятся не постепенно, а в один миг, в один счастливый миг. Секунду назад ты был болен, а через секунду уже здоров. Понимаете? Нет, ничего я не понимал, и тогда мой гость посоветовал: отправляйтесь на холм, спросите у любого дорогу, вам покажут, а то давайте патрульную машину вызовем, пусть довезет вас до места. Зачем? Он удивился: ну так вы же хотели понять? Все в ваших руках, и нечего, нечего раскисать. Сам ты раскис, подумал я. Что ты можешь знать о том, как люди раскисают, что нового ты можешь рассказать об этом бывшему межпланетнику и бывшему шпиону, но вслух произнес только одно: к чему вся эта преамбула? А к тому, объяснил он мне, что если кто-то начал жить иначе, невозможно представить, чтобы он пожертвовал тем счастьем, которое имеет. Захотев дурного, человек нарушает гармонию своего же мира. Жители этого города увидели зависимость того, что они получили, от собственных ощущений и, тем более, от поступков. Вот почему в этом городе почти не совершается преступлений. В самом деле, получив однажды здоровье и ощущение счастья, узнав разницу между здоровьем и нездоровьем, кто захочет променять их, к примеру, на какие-то там деньги? Нет, невозможно представить... «Я к тому вам это рассказываю, – терпеливо вдалбливал мне страж порядка, – что у нас здесь давно не случалось ничего похожего, и мы думали, что ничего похожего у нас теперь быть не может. Так что погодите с преждевременными выводами, ведь нападение было совершено явно не местными жителями...» «...а такими же туристами, как и ты, бывший шпион Жилин», – мысленно закончил я невысказанный упрек. Меня разбирал смех. Неужели они боялись, что без такого душераздирающего вступления я не стану помогать расследованию? Невроз, принявший эзотерические формы. И они еще называют себя здоровыми? «Дело было так, – ответил я офицеру, – записывайте мои показания», – и он послушно включил диктофон на запись...

– Значит, все ваши предки были крестьянами? – спросил я. – А вы, получается, сломали вековую традицию. Не является ли это вопиющим нарушением гармонии вашего мира?

Он встрепнулся.

– Типичное заблуждение новичка. Гармония вовсе не во внешних обстоятельствах жизни, а в том, как эти обстоятельства воспринимаются человеком. Гармония – она в состоянии души. Мой вам совет, Иван – разрешите мне вас так называть? – побывайте хоть раз на холме.

– А как мне вас называть, лейтенант Сикорски?

– Рудольф. Руди.

– Я обязательно побываю на холме, Руди, – пообещал я. – Я даже готов под землю спуститься. Однако признаюсь вам, что не вижу связи между здоровым образом жизни и отсутствием в городе преступлений. У вас тут, кстати, в самом деле такая идиллия или вы мне изложили официальную точку зрения властей?

– Вы подозреваете, что я солгал? – искренне удивился полицейский. – Может быть, вы назовете цель, которую я при этом преследовал?

Некоторое время мы оба молчали.

– Конечно, работа в полиции невозможна без определенного рода компромиссов, – он поморщился. – Поэтому я вам отвечу так, Иван: хочешь жить иначе, начни с малого.

– Разве не лгать – это малое? Некоторые всю жизнь пытаются жить не по лжи, а подымают по уши в дерьме.

– И все-таки приходится с чего-то начинать. Есть задачи, для решения которых главное – начать.

Я попробовал поднять руку и посмотреть на часы. Получилось. Жизнь возвратилась в обездвиженное тело.

– Впрочем, я не ответил на ваш предыдущий вопрос, – спохватился лейтенант. – Вы путаете здоровый образ жизни и здоровый образ мыслей. А связь между здоровым образом мыслей и здоровой криминогенной обстановкой, согласитесь, очевидна. Порядка в нашей стране действительно прибавилось, если сравнивать, скажем, с тем, что описано в ваших мемуарах. Единственный вид нарушений, который остался – это, пожалуй...

– Нарушение правил полетов? – предположил я. – Штурмовыми вертолетами?

Лейтенант засмеялся навзрыд, трясаясь вместе со стулом. Станный он был полицейский, этот лопоухий толстяк Сикорски, похожий на кого угодно, только не на полицейского. Он безнадежно махнул на меня рукой:

– Тяжело с вами разговаривать на серьезные темы, Иван. Надеюсь, в своих показаниях вы были серьезны хотя бы процентов на пятьдесят. Я пытался всего лишь сказать, что большая часть нарушений, которыми грешит местная публика, не выходит за рамки Естественного Кодекса. Вы читали памятку?

– Не сморкаться, не плевать, не чихать в общественных местах, – покивал я. – Мусорить и гадить только в специально отведенных местах. Не ручаюсь за точность цитаты.

– Да нет, все правильно. Настоящие эксцессы, к сожалению, тоже иногда случаются, но если кто-то и накуролесит в нашем маленьком королевстве, то потом обязательно выясняется, что несчастный пребывал в состоянии аффекта. Например, на почве ревности. Ревность, это такой бес, которого так просто не изгнать из человеческой души, и особенно страшно, когда ревность имеет основания. Супружеская неверность разрушает все, потому что разрушает прежде всего гармонию. Рвется ниточка, соединяющая нас с природой, с Богом.

Неужели все это было сказано сотрудником полиции? Сыщиком?

На секунду я потерял чувство реальности. Таких сыщиков не бывает. Человек, философствующий возле моей кровати, был ненастоящим, неправильным, он и не мог быть иным, потому что в мире, который он вокруг себя творил, отсутствовала гармония. Я должен добиться соответствия, понял я, иначе... Что – иначе? Иначе мне опять станет плохо...

– Продолжайте, – прошептал я, закрывая глаза. – Слушаю вас очень внимательно.

Ты должен быть другим, думал я, и ты будешь другим. Я исправлю тебя, я сделаю из тебя героя, достойного твоей великой фамилии... Привычно включился мозг, возникла картинка. Герой был поджарым и сухим – никакой вам полноты! – выбритый череп, растопыренные уши, маленькие злые глаза. Ни капли обаяния, лишь фанатичная нацеленность на результат. И чтобы никогда не улыбался. И чтобы мало говорил. Хищник, профессионал, шука... Лабиринт мертвых коридоров, думал я, черные стены и душная тьма. Вот тебе гармония, сыщик Сикорски, вот оно, соответствие, наслаждайся. Теснятся анфилады бесформенных залов, мелькают зыбкие контуры каких-то предметов, вздыхает паркет под ногами. Ты – в этих роскошных декорациях, неслышными прыжками мчишься вперед, отыскивая путь во мраке. Угловатый, нескладный, согнутый и вместе с тем стремительный, неудержимый, страшный, горят глаза, нос к полу, огромные уши стелятся по комнатам – что еще? – ага, любимый десятизарядный «дюк» в руке, чудовищное оружие профессионалов, начиненное смертью пятьдесят второго калибра. Никогда ты не достаешь оружие, чтобы напугать, только чтобы убивать. Сегодня как раз тот случай. Реликвия, способная погубить человечество, спрятана в подземелье древнего замка, но враг знает об этом, нелюдь поганая, и нужно опередить Зло, пока не пробил час истины, пока когтистая лапа не коснулась платка на крышке саркофага... Боже, какая пошлость, думал я. Почему мне опять плохо? Неужели я захочу когда-нибудь изобразить такого героя на бумаге? Где же врач?

– ...В конце концов человек теряет то, что заслужил всей предыдущей жизнью, – втолковывал мне неправильный полицейский. – Он теряет свои ночи, перестает видеть сны. Попробуйте представить себе этот позор – человек разучился видеть сны...

– Сны? – вяло переспросил я его. – Причем тут сны?

Говорить было трудно, во рту скопилась слюна. Много-много слюны, имевшей подозрительно гадкий вкус.

И в этот момент вошел врач. Лейтенант Руди Сикорски вскочил со стула. А следом вошел Бэла Барабаш, начальник полицейского управления, обмахиваясь форменной панамой.

Врач был совсем еще молоденькой девушкой – она и заговорила первой:

– Ну вот и все. Что-нибудь почувствовали?

Я приподнялся на локте.

– Вы меня спрашиваете, целительница?

– А разве здесь есть еще кто-то, кто нуждается в моей помощи? – Она почему-то посмотрела на лейтенанта Сикорски. Тот стоял с каменным лицом, уже не улыбаясь. Бэла тоже посмотрела на лейтенанта и неожиданно подмигнула ему. Затем Бэла подмигнула мне:

– Привет, бортинженер.

– Комиссар, – обрадовано сказал я. – Хорошо, что ты пришел. Они меня подозревают в нездоровом образе мыслей.

Девушка подошла к кровати, на которой я лежал, и отключила оба генератора – в изголовье и в ногах.

– Так вы что-нибудь чувствовали? – повторила она вопрос. – Несколько минут назад.

Я чувствовал себя, как никогда хорошо – стих гул в ушах, и странной дурноты, вдруг навалившейся на меня, в помине не было. Наваждение прошло.

– Несколько минут назад? – наконец-то догадался я. – Значит, это было ваших рук дело? Товарищ комиссар, я выражаю официальный протест. Тайные эксперименты на людях запретили еще в прошлом тысячелетии.

– Я проверяла вашу эндокринную систему, – строго возразила девушка. Серьезный она была человек, полная противоположность здешним полицейским.

– А я решил, что меня отравили, – сообщил я ей. – Очень было похоже. Даже испугался чуть-чуть.

– У вас проблемы с поджелудочной железой. Приходите завтра, когда рефлексограмма будет расшифрована, и мы займемся вами вплотную.

Тут она наконец улыбнулась. Улыбка у девушки-врача была плотоядной, совсем не вегетарианской. Я бы спрятался от такой улыбки под кроватью, будь помоложе годов на сорок пять.

– Наш гость попал в опытные руки, – произнес со странной интонацией лейтенант Сикорски. – Думаю, я ему больше не нужен. Я подожду тебя в коридоре, Бэла, хорошо?

– Да, Руди, нам нужно кое-что обсудить, – откликнулся начальник полиции.

– Присядьте, – скомандовала девушка, придирчиво рассматривая меня. – Не бойтесь, нарушенный ритм дыхания и сердечный ритм полностью восстановились. Хорошо, а теперь погримасничайте.

– Что? – не понял я.

– Попробуйте меня напугать или рассмешить. Разиньте рот, выпучите глаза, высуньте язык. Не стесняйтесь, я и не такое в жизни видела.

Я постарался не стесняться.

– Вы уверены, что реабилитация прошла, как надо? – озабоченно спросил Бэла, понаблюдав секунду-другую за моим лицом. – Меня тревожит состояние его психики, доктор. Психика тоже должна восстановиться?

– Я сейчас удалю отсюда всех весельчаков, – предупредила девушка. – А вы, Жилин, не отвлекайтесь, работайте. Сделайте, пожалуйста, несколько круговых движений головой, медленно.

– А меня тревожит жара, – сказал я, осторожно ворочая шейными позвонками. – Молоко скиснет. Или что вы там едите вместо мяса.

– Вместо мяса употребляют сою, – откликнулся лейтенант Сикорски уже от двери. – Молочные продукты мы редко едим. Желаю вам здоровья, Иван, еще встретимся.

– Ты не волнуйся, – бодро сказал мне Бэла, – Твои консервы положили в холодильник, употреблять сою от тебя не потребуют.

– Нет, я теперь буду есть только сою, – капризно возразил я. – Товарищ лейтенант убедил меня, что больным быть вредно для здоровья.

– У вас отличное здоровье, – вдруг сказала врач. – Для вашего возраста, конечно.

Она присела на стул, на котором раньше сидел лейтенант Сикорски, и смахнула со лба прядь волос. С исчезновением одного из мужчин девушка необъяснимым образом изменилась – словно стальной стержень из нее выдернули, словно ослабло поле, защищавшее ее от неблагоприятных условий среды. И стало заметно, что красавица гораздо взрослей, чем была мгновение назад. Что никакая она не девушка, а взрослая, много повидавшая женщина. Ведьма, потерявшая свою гипнотическую силу...

– Ваше лицо кажется мне знакомым, – смущенно призналась хозяйка кабинета, по-прежнему обращаясь ко мне. – Даже не столько лицо, сколько... Не поймите неправильно, это чисто профессиональный интерес. У вас замечательное тренированное тело... Вы у нас случайно не лечились?

Бэла предположил, отвернувшись к окну:

– Возможно, ты видела его на площади? Он там частенько стоит.

Она помолчала, рассеянно глядя на мой шрам.

– На площади? На какой площади, Бэла? Честное слово, эту из твоих шуток я не понял.

– К сожалению, я не шутил.

Женщина измученно вздохнула:

– Я сегодня очень мало спала и плохо соображаю. Сейчас наш уважаемый больной попробует пройти от кровати до стены, а мы посмотрим, что получится.

Я взял с тумбочки свои шорты.

– Опять она плохо спала... – задумчиво продекламировал Бэла. – Опять ее предали сны...

Ведьма-целительница внезапно встала, закусив губу, сделала два легких шага и закатила начальнику полиции хлесткую пощечину.

Глава третья

Терраса закончилась спуском к бульвару, и вот тут-то, перед самыми ступеньками, расположились эти чудаки. Мужчина и женщина, оба седоватые, оба дрябловатые, они стояли, подставив солнцу свои лица, и размашисто поворачивались – влево, вправо, влево, вправо. Туловище поворачивалось вместе с головой. Один глаз был прикрыт ладонью, а второй – бесстрашно открыт. Эти двое смотрели на солнце, ловили единственным открытым глазом прямые солнечные лучи (глаз часто-часто моргал), но как бы украдкой, лишь на мгновение погружаясь в море слепящего пламени. Мы молча проследовали мимо, только потом я полюбопытствовал:

- Их что, тоже из какой-нибудь больницы отпустили? Не поторопились ли?
- Это вампиры, – пояснил мой собеседник.
- Настоящие? – обрадовался я.
- Боюсь, что нет. Приклеилось к этой группе такое название, я уж и не помню, из-за чего.
- А зачем они смотрят на солнце?
- Расслабляются. Ритуал называется «соляризация».

Было одиннадцать с чем-то утра, но пекло так, будто пробило уже все двенадцать. Мы спустились по ступенькам и вновь оказались в тени. Идти налегке, без вечного чемодана, было как-то непривычно. Я оглянулся. Мужчина-вампир остановил свое движение, чтобы сменить руку и закрыть другой глаз. Локоть его воинственно оттопыривался. Нас он, по-моему, просто не заметил.

– Черт знает что, – сказал я. – Не думал, что здесь все так переменится. Надеюсь, хотя бы море осталось прежним.

Прежним, конечно, осталось не только море, зря я ворчал. Вокруг было много цвета, много пространства и мало шума, бесчисленные пальмы и живые изгороди, и почти никаких автомобилей. Пестрые беззаботные люди ходили по праздничным улицам – в точности, как раньше. Но люди эти неуловимым образом изменились. Были они теперь спортивными, бодрыми, они именно ходили, а не бродили, смотрели на солнце живыми блестящими глазами, почти никто не носил очков, и трудно было понять, кто турист и кто местный. Они беспрерывно улыбались друг другу, потому что у них все было хорошо. Возникали и исчезали безликие фигуры бегунов, прочие физкультурники безо всякого стеснения упражнялись на газонах. На глаза постоянно попадались лозунги, установленные на домах, на щитах, висающие поперек улиц:

«РАЗРУШИЛ? ВОССТАНОВИ»,
«СЧАСТЬЕ ВСЕГДА С ТОБОЙ»,
«ЛЕКАРСТВО ОТ НОЧИ – СОН».

Столь оригинальные образцы социальной рекламы, витавшие над этим красивым миром, заставляли размышлять не только об их содержании, но и о созидательной силе печатного слова в целом. Я приехал сюда вволю потосковать, а мне предлагали начать жить иначе. Почему бы нет?

– Мне у вас нравится, – твердо сообщил я Бэле. – Вот только пыль... Я понимаю, что вы привыкли к этой вечной тяжести в воздухе, но я предпочитаю чистоту. Почему бы не покрыть асфальт статиком? Или у Совета денег хватает на одни плакаты?

– Состав воздуха контролируется, и довольно жестко, – возразил он. – Ты отвык от природных запахов, Иван. Правда, если бортинженеры под чистотой понимают абсолютный вакуум...

– Бортинженеры ненавидят вакуум ничуть не меньше, чем бывшие комиссары МУКСа, зато очень любят здравый смысл. Где смысл, комиссар? Ау?

– Смысл в том, – равнодушно объяснил Бэла, – что Естественный Кодекс – это закон. Никаких статиков, антивлагов, летучих абсорбентов или растворителей, а также всяких там ароматических бензинов.

– Может у вас и фонары запрещены? – сострил я.

– Нет, кое-какие модели пока разрешены. В зависимости от типа наполнителей.

– Ну, не знаю... – сказал я. – Это еще вопрос, что вреднее – пыль в воздухе или статик на асфальте...

Двенадцатый круг рая, пройденный мной семь лет назад, явно оказался не последним, и оттого мне становилось все веселее. Вот только слегка покачивало, и пока еще слезились глаза, мешая принять старт в круге тринадцатом. Интересно, разрешены ли Естественным Кодексом отрицательные эмоции?

А ведь товарищ Барабаш тратит на меня свое рабочее время, неожиданно подумал я. У него дел других нет? Начальник полицейского ведомства, даже в таком маленьком государстве – это хлопотная, суетливая должность. Тем более, когда случаются подобные ЧП. Или я как раз и был его делом, только он умело это скрывал? Поганный человечек, живущий в моей голове, с готовностью высунулся наружу, анализируя обстановку. Нет, никто за мной не подглядывал, ни мексиканцы, ни старушки, и вертолеты в небе были сплошь мирные. Не сходи с ума, бодро сказал я себе. Здесь люди живут иначе, что ты в этом понимаешь? Начальник, возможно, заподозрил, что отставной агент все-таки наврал в их анкете, и теперь намерен проверить «легенду» гостя на прочность...

Мы ведь, к сожалению, не были с Бэлой друзьями. Бывшие соратники, бывшие товарищи. Давным-давно, в одной из прошлых жизней, когда я еще бортинженерил на межпланетных грузовиках, комиссар Барабаш в эти же годы следил за порядком на астероиде Бамберга, получив полномочия от МУКСа, Международного Управления Космических Сообщений. Космос маленький, там все друг друга знают, но по-настоящему мы познакомились, только удрав из Космоса. Бэла Барабаш пришел в контролирующие структуры Совета Безопасности позже меня, когда рудники на Бамберге наконец отобрали у «Спейс Перл Лимитед», преобразовав этот объект в каторжную тюрьму, – первое, между прочим, исправительно-трудовое учреждение в космическом пространстве, – и таким образом должность комиссара была упразднена. За порядком на астероиде стали следить другие, а ему предложили новую интересную должность. Однако он предпочел вовсе уйти из МУКСа, решив продолжить борьбу за полное закрытие рудников. Он полагал Бамбергу самой страшной язвой на теле Солнечной системы (и совершенно справедливо), писал разнообразные рапорты и открытые письма, в которых доказывал как дважды два, что если заменить наемных рабочих заключенными, то станет только хуже. Ему неизменно отвечали, что все наоборот, ведь рабочий день заключенных ограничен не беззубым законом о труде, а внутренним распорядком зоны, да и условия их содержания теперь обеспечивает не частная компания, а все мировое сообщество. Барабаш не сдавался, упрямая душа, этим и привлек внимание наших кадровиков. Таким он пришел к нам в отдел – бьющий копытами землю, непримиримый в своей ненависти к МУКСу. Здесь ему в конце концов объяснили, почему рудник на Бамберге не может быть закрыт ни при каких условиях, и только тогда, узнав всю правду, пропустив эту горечь сквозь свое сердце, коммунист Барабаш стал истинным оперативником – холодным, циничным, веселым. Последний раз мы с ним виделись, кажется, в Ленинграде, уже после того, как меня вышибли из Службы контроля при Совете безопасности. Меня вышибали с треском, со снопами красивых искр, и даже заступничество Марии не помогло. Барабаш ушел из отдела сам, посчитав, как и я, что настало время в очередной раз заменить одну жизнь другой. Он собирался ехать в эту страну добровольцем, готов

был служить рядовым инспектором, и вот теперь оказалось, что мой бывший коллега сделал здесь сказочную карьеру.

– Как тебя угораздило попасть в начальники? – спросил я его.

Он пожал плечами.

– Никто из местных семь лет назад не хотел занимать такие должности. То ли боялись, то ли из-за лени. Налоговую службу, например, тоже возглавил приезжий. Ты не представляешь, какая здесь поначалу была апатия.

– Как раз это – очень хорошо представляю, – сказал я. – Все-таки не зря я тот самый Жилин. В каком ты звании?

– Штатский. Подчинен непосредственно Совету.

– Через голову правительства, – покивал я. – Мечта любого отставника. Быть главным полицейским в раю и при этом никому не подчиняться, кроме Святого Духа. Знай себе следы, чтобы яблоки кто попало не срывал.

– Что ж ты сам здесь не остался? – вспыхнул Бэла. Он приостановился и коротко взглянул на меня. – Был бы сейчас главой Совета. Тебе предлагали, я знаю, тебя даже просили.

– У меня были другие планы, – ответил я.

Не было у меня тогда никаких особенных планов. Было одно желание, одна маниакальная цель – поскорее разнести служебную тайну по всему свету, сорвать фиговый листок секретности с той беды, которая касалась всех и каждого. Жаль, что этого не поняли мои же товарищи.

– Если ты действительно тот самый Жилин, – сказал Бэла, сжав кулаки, – то должен помнить, что здесь творилось в первые месяцы после переворота! Райские яблочки, говоришь? А самосуды над менялами помнишь? А кровавые гулянья, которые устраивали мутировавшие меценаты?

– Мы что, ссоримся? – на всякий случай уточнил я. – Прекрасно. Хоть что-то человеческое в этом цветочном царстве.

Бэла искренне и с удовольствием рассмеялся.

– Человеческое, оно же животное... Вот ты, Иван, удивляешься, почему в нашей стране так остро реагируют на простую русскую фамилию Жилин. – Но может, это и есть слава? Разве не этого ты хотел, когда писал свою книгу?

– Слава не такая, мне кто-то рассказывал.

Он возразил:

– Когда стены сортиров оклеивают голограммами с твоей рожей – это тоже слава. Я хотел вот что сказать. Ты, Иван, стал писателем...

– Именно писателем! – обрадовался я. – Спасибо, начальник. Теперь, когда мой литературный дар подтверждается изданиями и переизданиями, никто не сомневается, что я всего лишь шпион. Обидно, ей-богу.

– Не перебивай. Конечно, ты писатель, и еще какой, ведь ты создал культовую книгу. Не спорь, не спорь, спрячь скромность в кобуру. Но, видишь ли, в чем неувязка. Ты думал, что пишешь обо всем человечестве, а написал на самом деле вот о них, – Бэла обвел широким жестом ослепительное пространство, заполненное движущимися тенями. – О них, о конкретных живых людях. Мало того, ты написал об их родине, а это понятие, как неожиданно выяснилось, для них не пустой звук. Ты был первый, кто написал об их родине с такой пронзительной достоверностью, но теперь, когда здешняя жизнь совершенно переменилась, твоим героям стало казаться, будто раньше все было не так. И сами они якобы были совсем не такими. Отсюда – реакция отторжения. А я думаю вот о чем – может, правы они, а не ты? Что, если писатель Жилин ошибся, отказав этим людям в наличии души, и мир его целиком придуманный?

– Ну, ты загнул, – восхитился я. – Литературовед в штатском. Речь обо мне, да?

– Конечно, трудно согласиться, – спокойно сказал Бэла. – Но ведь это они, парикмахеры, разносчики пиццы и лоточники кормили осажденный Университет, прятали во время погромов семьи любимых тобой интелов, а потом, когда ситуация начала стабилизироваться, поддержали Революционный Совет в борьбе против бандитов, нанятых мэрией.

Я поднял вверх руки, показывая, что сдаюсь:

– Вы, ребята, в самом деле молодцы, чего уж там. Мне до сих пор непонятно, как эту чертову ситуацию вообще удалось стабилизировать, да еще так радикально.

Начальник полиции ответил не сразу. Молча шел рядом, подлаживаясь под мой шаг. Но все-таки ответил:

– Если честно, сам я тоже мало что понимаю. С определенностью могу сказать одно – ни я, ни мои подчиненные, ни даже министр не имеют к этому чуду никакого отношения. Спокойствие и порядок настали как бы сами собой, без видимого участия правоохранительных структур. Вскоре после того, как был организован Национальный Банк и проведена денежная реформа.

– Подожди, подожди. Не вижу связи.

– Были выпущены банкноты нового образца, – неохотно сказал Бэла. – Был принят закон о денежном обращении... Знаешь, Иван, это долгий разговор. Надо пожить у нас, чтобы привыкнуть, и твои вопросы исчезнут. Вот, кстати, здание Госсовета.

Крытая часть бульвара закончилась широким перекрестком, и вновь мы оказались на солнце.

– Нам направо, – шурясь, сказал Бэла. – Сюда, по проспекту Ленина.

– Разве Совет находится не в бывшей мэрии? – спросил я, притормозив.

– В кабинетах мэрии осталось слишком много темных воспоминаний, мешающих людям работать.

Здание походило скорее на санаторий, чем на главное государственное учреждение, и было ниже остальных окружавших его строений. Впрочем, может так и надо? В карликовом государстве и цель, которую ставили перед собой руководящие органы, была соответствующего масштаба... Пять этажей. Стены, отделанные каменными плитами нежного розоватого цвета, со вставками из ослепительно белого ракушечника. Сложная многоскатная крыша, и не какая-нибудь, а черепичная. Светозащитные окна-хамелеоны, отбрасывающие розовые блики – в тон стенам. Красиво, было просто красиво...

– Красиво, – признал я вслух. – Люблю розовое, о маме почему-то вспоминаю.

– Ереванский туф, – сразу же откликнулся мой спутник. – Так называется материал, из которого сделаны плиты. Особенно устойчив к нашему влажному климату. Над проектом работала группа архитекторов из Ленинграда, а там, насколько мне известно, дома этим камнем облицованы. Ты ведь родом из Ленинграда?

– Кажется, да. Впрочем, можно посмотреть анкету.

Здание Госсовета гармонично включало в себя ротонду с источником. Люди входили в нее, наполняли чашки и медленно пили. Людей было много. Таким образом, сходство с санаторием принимало поистине карикатурные формы. Дальнейший путь этой воды был бережно, с любовью выложен необработанными камнями: ручеек утекал в сторону моря, наискосок пересекая проспект, а для транспорта были предусмотрены специальные мостики с пылеуловителями. Идиллия...

И еще здание Совета, как и все в этом городе, украшало мудрое изречение. Неброская гранитная табличка крепилась непосредственно возле главного входа, по левую руку, и выбито на ней было: «Я – не Я, пока Я без покаяния...» Слово «покаяния» было написано так: «пока-Я-ни-Я». То ли призыв ко всем горожанам, то ли вечное напоминание сотрудникам, работающим в этом учреждении. И почему-то на русском языке.

– Цитата? – спросил я. – Этот стишок к вам русские эмигранты завезли? Признаться, я плохо разбираюсь в литературе, в отличие от вас, полицейских.

– Я – не я, пока я без покаяния, – сказал Бэла со странной интонацией. Голос его дрогнул. – Этот «стишок», как ты выражаешься, людей с четверенок на ноги ставит... Пойдем? – толкнул он меня.

– Подожди, – сказал я, – хочу местную прессу взять. Газетку какую-нибудь... – я двинулся к торговому мини-комплексу.

За одним из столиком уличного кафе расположилась украинская семья. Роскошная женщина кормила двух своих детей, и еще мужа, очевидно, тоже своего. Еда была явно не вегетарианская и вынималась она из большой сумки, стоящей тут же на стуле. Ага, тоже туристы, братья по несчастью. Хорошо, что я не люблю роскошных женщин, подумал я, а то мне стало бы за нее обидно. Я люблю тоненьких и стройных, чтобы доставали мне только до плеча. Как, например, вот эта... туристочка? Или местная?

Возле киоска с кристаллофонами стояла в одиночестве красивая девушка. Очень красивая. Безжалостно красивая, как говорил один мой опытный приятель (рано состарившийся). Струилась медленная музыка, на крыше киоска рождались объемные движущиеся картины, зазывая меломанов. Девушка делала вид, будто изучает обложки кристаллов, на самом же деле она поглядывала на меня. Безжалостно красивая... Спокойно, Жилин, остановился я, береги себя. Психика твоя изменена нейроволновым взрывом, так что не верь глазам своим. Какая же это девушка? Такая же ведьма без возраста, как и врач в больнице. Наверное, ей показалось, что она тоже меня откуда-то знает, как и все прочие в этом городе. Терпи, Жилин, это ведь и есть слава... Красавица неожиданно подмигнула мне – едва поймала мой взгляд. Я подмигнул ей в ответ. Мальчишество, конечно.

Прилавок с печатной продукцией ломился от книг, журналов, газет, плакатов, этикеток, открыток, наклеек и тому подобное. Я выбрал солидную ежедневную газету с характерным названием: «ХРОНИКИ ДОБРА» и пошел обратно к Бэле.

– А вы, это... – оторопело позвал меня парень, стоящий по ту сторону прилавка. – А деньги?

– Деньги? – Я посмотрел на Бэлу. – Разве это не бесплатно?

Тот промолчал, тщетно пряча гадкую улыбочку.

– Вот тебе и обеспечение минимума потребностей, – сказал я, возвращаясь. – Вот тебе, бабушка, и новый круг рая... Сколько с меня?

– Двадцать сантимов, – виновато ответил продавец. – Простите, я не хотел вас обидеть. Я пошарил по карманам.

– Знаешь, дружок, тут такое дело... Сколько это будет в копейках? Я, признаться, не разбираюсь в ваших сантимах.

– У вас нет при себе денег?

– Копейки – это не деньги? – озадачился я. – Тогда как насчет центов? Или счет идет на рубли и доллары?

Он брезгливо покрутил в руках предложенные ему монеты. Было ясно, что нормальных денег среди них не обнаружилось.

– Ну, ладно, – легко решил продавец, – берите так. Ерунда все это. Желаю вам здоровья.

– Межпланетники помнят свои долги, – успокоил я его. – Даже став культовыми писателями.

Прежде чем покинуть это место, мне вздумалось попрощаться еще и с девушкой-меломаном, на которую моя внешность произвела столь сильное впечатление – а может, наоборот, я хотел с ней поздороваться? – но той возле музыкального киоска уже не было. Жаль.

Свернув с бульвара, мы продолжили путь. Проспект Ленина, бывший когда-то тесной, заполненной транспортом улицей, и называвшийся, если не ошибаюсь, Веселым проездом, ока-

зался решительно преображенным. Теперь он был на удивление широк, тих и зелен. Проспект был достоин своего имени.

– Как устроишься, зайди в отделение Национального Банка, – посоветовал Бэла. – Не откладывай в долгий ящик. Никто здесь не возьмет у тебя денег, если они не местные, имей это в виду.

– Ох, куда только мне не надо зайти! – простонал я.

– Что, большие планы?

– Прежде всего – к Строгову. Ради этого, собственно, я и приехал. Как там Дим Димыч, что слышно?

– Говорят, плох. Я, к сожалению, с ним лично не знаком.

– Что плох – и без того известно. – Я вздохнул.

– Много вас, писателей, понаехало, – пихнул меня Бэла в бок. – И все – к Строгову. Вы что, сговорились?

– Разумеется. Операция под кодовым названием «Время учеников». Послушай, я не хочу это обсуждать. Тебе случайно не знаком человек по фамилии Скребутан?

– Кто?

– Стас по прозвищу Бляха. Бывший рыбарь. Неужели ты не слышал, как он тут в свое время куролесил, ставил на рога всю полицию? В заварушку был в группе ректора. Я пытался с ним связаться из Ленинграда, но... Даже не знаю, жив ли он. Семь лет не виделись.

– Станислав Скребутан? – мой спутник чуть не поперхнулся собственным удивлением. – Ого!

– Что-то не так?

– Это нынешний председатель совета директоров Национального Банка. Один из тех, кто оказался не против, чтобы революция вынесла его на самый гребень волны. Вот пусть он и объяснит тебе про денежную реформу. Я пришлю ведомственный справочник с телефонами, сможешь связываться со своим Бляхой, сколько душе угодно.

– Спасибо, комиссар, – сказал я, не испытывая почему-то благодарности. Наверное, потому, что в разговоре не было больше искренности. Я чувствую такие вещи, как замужняя баба – ценное качество для профессионального шпиона. Бэла Барабаш давно и прочно думал о чем-то, о чем не решался или не желал заговорить вслух, он смотрел на меня и видел вместо бывшего соратника всего лишь источник информации. Теперь я в этом не сомневался.

– Долго нам идти? – непринужденно поинтересовался я.

– Вон, отель уже виден.

– Так ты ведешь меня в гостиницу?

– А куда же еще?

Я смерил взглядом оставшееся расстояние и засомневался:

– А ты успеешь?

– Что?

– Рассказать, о чем вы с лейтенантом Сикорски шептались в коридоре, пока девчонка проверяла мои рефлексy?

Он не сбился с ноги, не изменился лицом, не задышал прерывисто. Прекрасная выдержка у человека. А может, просто реакция замедленная. Он улыбнулся краешками губ:

– Нашел девчонку! По моим сведениям, Рафе тридцать семь. Хотя, кое-кто уверен, что ей только тридцать пять, я имею в виду, конечно, ее мужа.

– Рудольфа Сикорски?

– Ага, догадался! Да, это несчастный Руди. У них с Рафой довольно сложные отношения, я стараюсь в эти дела не вмешиваться... – Бэла потер щеку. Ту самую, которая, возможно, до сих пор побаливала. – Ты прав, тебя мои проблемы тоже касаются. В конце концов, человека похитили на твоих глазах.

– Похитили? – удивился я. – В парня стреляли из вакуум-арбалета. И попали, между прочим.

А еще он получил точно такую же порцию нейро-волнового излучения, как и его ни в чем не повинный собеседник, подумал я. Как и шестеро других свидетелей. Все свидетели дружно упали, но ему хоть бы что. Черепная коробка, надо полагать, у него свинцовая. Или под черепной коробкой нет ничего, что можно было бы возбуждать и тормозить.

– Есть основания надеяться, что похищенный жив, – веско произнес Бэла. – Это было похищение, Иван, а не убийство. Поэтому постарайся понять мой следующий вопрос правильно: все ли ты рассказал лейтенанту Сикорски?

Я прикрыл глаза. Я мысленно застонал. Спокойно, сказал я себе, есть люди, которые не лгут, и есть люди, которые следят, чтобы другие не лгали. Я открыл глаза и постарался быть очень терпеливым.

– Мой контакт с этим парнем, конечно, мог кому-то показаться продолжительнее, чем он был на самом деле. Какому-нибудь мороженщику, у которого от скуки жизненные процессы замедлены и без парализатора. Или у тебя есть основания подозревать, что меня действительно забросило сюда волей психически нездорового человека?

– Боже упаси, – ответил Бэла. Кажется, искренне. – Ну, так как? Тебе удалось вспомнить, где и когда состоялось ваше с ним знакомство?

Я напрягся. Поганый червяк в моей голове опять заворочался, выдавливая наружу всякую мерзость. Сейчас меня спросят про номер в гостинице, где, по мнению сумасшедшего незнакомца, мы провели наш первый вечер, а потом меня спросят про название бара, где мы с ним якобы познакомились, и таким незамысловатым способом будет определен номер и пароль ячейки в некой камере хранения...

– Когда же вы все поверите, – рассердился я, – что Жилин только литератор, дорогие вы мои современники?

– Похищенный подошел именно к тебе. Это не может быть случайностью.

– В нашем мире все может быть случайностью, – возразил я. – Общались мы с ним, помнится, без переводчика. Один русский обнаружил на привокзальной площади чужой страны другого русского – вот тебе и причина для начала разговора. Кстати, каким образом вообще была установлена личность похищенного?

– Ты дал очень хорошее описание, – сказал Бэла задумчиво. – А другие очевидцы добавили штрихов к портрету, так что сомнений у нас вроде бы нет. Хотя, я попрошу тебя зайти в наш офис для составления голопортрета. Что касается личности этого человека... Личность его, Иван, за прошедшие годы так и не установлена. Тайна, покрытая мраком.

Я осведомился:

– Это шутка?

– Если бы. Никто не знает ни имени его, ни фамилии, только кличку, которую дали ему еще интели в Унивеситете. Мы рассчитывали, что ты поможешь с этим делом разобраться, но...

– И какая кличка?

– Странник.

– Ага, – сказал я, – понимаю. Теперь понимаю...

Проспект закончился, плавно трансформировавшись в площадь, и вместе с проспектом подошла к концу наша прогулка. Наконец я хоть что-то понимал. Воспоминания вспухали в моей голове и лопались, как мыльные пузыри, покрывая Будущее скользкой пленкой, потому что все меньше оставалось надежд, что чужие тайны меня не коснутся.

Площадь перед отелем была такая же просторная, как и прежде, но теперь она вовсе не напоминала аэродром. Та ее половина, которая примыкала к отелю и где раньше была гигантская автостоянка, превратилась в «партЕрный парк», то есть в систему газонов, изре-

занных пешеходными дорожками. В центре пешеходной зоны размещался бассейн, в котором купались. На бортиках бассейна сидели в обнимку влюбленные парочки и болтали в воде ногами, а над всем этим возвышалась пятнадцатизэтажная громада «Олимпиака» – красное с голубым. Ленточная галерея спиралью закрутилась вокруг здания, позволяя всем желающим подняться с земли до самой крыши, не заходя внутрь. Над входом сверкала надпись: «С ДОБ-РЫМ УТРОМ!»

И еще на площади был памятник...

Памятник стоял на привычном месте – по другую сторону парка, как бы в противовес зданию гостиницы, – но изображал он, разумеется не Владимира Юрковского, планетолога. Мраморного Юрковского меценаты взорвали еще при мне, пользуясь неразберихой и безвластием – взорвали торжественно, среди бела дня, под выстрелы шампанского, оставив потомкам лишь изуродованный постамент. Чуть позже меценатами занялись студенты исторического факультета, вычислили и выловили их идеологов, а боевиков перестреляли. Нынешняя скульптура, в отличие от прежней, была цветной, телесного цвета, и являла собой парафраз на тему знаменитого «Давида» Микеланджело. Мускулистый здоровяк стоял в характерной позе, повесив на плечо клетчатую рубашку – вместо пращи. Совершенно голый. Обнаженный, как принято выражаться.

– Вот это мне и хотелось показать, – сказал сбоку Бэла. – А ты думал, чего ради я про-вожал тебя, как любимую девушку?

Я пошел, стараясь не сорваться на бег, прямо через площадь и возле монумента остано-вился. Меня больше не качало, потому что настоящее искусство с людьми чудеса делает. На восстановленном постаменте стоял, демонстрируя миру величие собственного торса, не кто-нибудь, а я, Иван Жилин. Каменный атлет имел поразительное со мною сходство, не только портретное, но и анатомическое, вплоть до некоторых интимных мелочей. Вплоть до особых примет вроде шрамов и родинок. Подпись на постаменте гласила: «ИДЕАЛ. Автор – В.Бриг. Год Змееносца». Бывают в жизни моменты, когда смеяться над шутками не хочется, и это был именно такой момент, именно такая шутка.

– Что за В.Бриг? – спросил я подошедшего Бэлу. – Он что, в бане со мной мылся? Хоть бы португеею мне оставил, подлец, хоть бы листик березовый.

– Подожди, тебе что, не нравится? Гляди, какой красавец!

– Нет, название хорошо смотрится. Просто хотелось бы понять, каким макарон все это здесь воздвиглось?

Товарищ Барабаш на секунду потерял уверенность.

– Врать не буду... – многообещающе начал он, но дальше дело не пошло. – Точно помню, что автор – дама. Да какая тебе разница?

И тогда я повернулся, твердо намереваясь поставить точку в разговоре. Даже шаг успел сделать, однако разговор, оказывается, еще не закончился.

Товарищ Барабаш ровным голосом произнес мне в спину:

– Сегодня утром на взморье был сбит вертолет. Штурмовик класса «Альбатрос» без опознавательных знаков, если не считать литеры «L» на брюхе. Тебе это интересно?

Он обошел меня кругом и посмотрел снизу вверх.

– Продолжай, – сказал я. – Долго же ты рожал эту новость, комиссар.

– Вертолет был атакован из плазменного сгущателя «Шаровая молния», какие уже лет двадцать не производятся. Оружие, запрещенное Цугской конвенцией. Кем атакован – неизвестно. Летательный аппарат упал в море. Все, кто находился на борту, вероятно, погибли.

– Почему «вероятно»? Есть сомнения?

– Когда водолазы обследовали вертолет, то выяснилось, что корпус уже кем-то вскрыт. При помощи молекулярного резака. Кто-то успел поработать до нас. Внутри, само собой, было месиво трупов, но нашего Странника среди них не обнаружилось. Присядем, поговорим?

– Не уверен, что все это меня касается, – осторожно возразил я.

– Почему он подошел на вокзале именно к тебе? – спросил Бэла. – Думай. Вот главный вопрос, который касается тебя и прежде всего тебя (он усмехнулся), как литератора.

Мы вошли в тень, отбрасываемую зданием, и на душе сразу посвежело. Пожелание доброго утра над входом в гостиницу неуловимым образом сменилось новой красочной надписью «УДАЧНОГО ДНЯ!», что соответствовало, по-видимому, двенадцати часам.

Полдень.

Глава четвертая

Чемодан стоял в прихожей, возле двери, опередив мое появление на пару часов – его доставили из больницы прямо в номер отеля. К ручке чемодана была привязана какая-то бирка, на которую я не обратил поначалу внимания, и только перенеся его в гостиную, я обнаружил, что это, оказывается, не простая бирка. Глянцевый картонный ромб, изображавший герб города (золотая ветвь омелы на красно-голубом фоне), имел на обороте текст: *«В четыре часа на взморье. Поможем друг другу проснуться»*.

Записка.

– Кретины, – сказал я в сердцах. – Развлекаются.

Текст был написан не от руки, а оттиснут клишеграфом – стеснительный попался автор, побоялся оставить образец своего почерка. Я сорвал картонку с нити и бросил ее на ковер. Потом отключил оконные фильтры, впуская в полутемный зал настоящий свет, и прошелся по другим помещениям номера, активизируя автоматику. Слева была спальня с библиотекой и ванной, справа – спортивная комната с тренажерами и сауной. Туалеты были в обеих половинах. Прекрасное жилище для холостого межпланетника, ненавидящего тесноту и искусственный свет, уставшего от людей, но при том имеющего здоровую половую ориентацию. Я немного поразмышлял о том о сем, глядя на город под моими ногами, и открыл стеклянную стену вовсе, впуская настоящий воздух. Теперь-то я знал, что воздух здесь пахнет не пылью, а полон природных запахов, тщательно проверенных властями.

С запиской что-то происходило. Мой мозг, натасканный замечать любые изменения в пространстве и времени, выдал сигнал, тело присело и подняло картонный ромбик с ковра. Прежние слова исчезли, зато на их месте появились новые: *«И пусть Эмми не ревнует»*. Я перечитывал фразу до тех пор, пока не исчезла и она, и мне было ужасно обидно, потому что теперь сомнений не было – записка оказалась в моем номере не случайно и, вероятно, не шутки ради. Хорошо они тут развлекаются, любители всего естественного – с использованием гелиочувствительных чернил, а также новейших достижений в области фотохромного программирования... Распаковывать багаж или продолжать осмотр номера не было желания. Думай, просил меня Бэла Барабаш, но думать тем более не хотелось. О чем тут, черт побери, было думать? О том, знакомо ли мне имя Эмми? Знакомо, черт побери, глупо отказываться. А может, о том, какому времени суток соответствуют «четыре часа»? Или о том, что взморье тянется на добрых два десятка километров?

Хотелось взять телефон, набрать некий известный мне номер и выдать в эфир все, я думаю. Но делать это, судя по всему, было преждевременно. А также неосмотрительно. Человек возле вокзала опасался, что за ним прилетит вертолет, и вертолет-таки прилетел; он же был уверен, что наш разговор прослушивается. Каков печальный вывод?.. Больше всего хотелось немедленно выписаться из гостиницы, забыв про уплаченные вперед деньги, и уносить отсюда ноги.

Семь лет назад было гораздо проще. Во лбу горел приказ, в спину дышала команда соратников с Марией на капитанском мостике. До Службы контроля дошли слухи о новом разрушительном наркотики, объявившемся в одном из карликовых государств Средиземноморья. Наркоманы пачками мрут в ваннах, раскричались аналитики. И послали в карликовую страну агента Жилина – искать тайные лаборатории, разоблачать подонков и вскрывать гнойники. А Жилин нашел слег. Уникальное по своей простоте психоволновое устройство, которое может собрать у себя дома любой желающий. Сверхнаркотик, который не нуждается ни в чьей корысти – только в вечном нашем стремлении сбежать куда-нибудь, плюнув на все. Слег – это благословенное местечко, созданное специально и единственно для тебя. Попад туда, захочешь ли ты вернуться в свой мир? Человек и искушение – один на один. Никаких вам преступных

организаций, никаких посредников и распространителей. Счастливый слегач сутками грезит в своей ванной – под оглушительное шипение якобы неисправного приемника, в теплой водичке, посланной невинным репеллентом «Девон», – и нет силы, которая вытащила бы его оттуда. Роковая случайность родила слег, а человеческая природа превратила техническую новинку в чудовище... Однако все это в прошлом. Тогда у меня было ДЕЛО и была ЦЕЛЬ, особенно после того, как я нарушил приказ и остался в этой стране. А сейчас? Зачем я приехал?

Я взял с тумбочки радиотелефон, приладил его к правому уху и упал спиной на кровать. Волоконные держатели нежно обхватили ушную раковину. Пульт с цифровым десятиугольником я оставил у себя на ладони...

Итак, звонить по тому номеру, по которому больше всего хотелось позвонить, было ни в коем случае нельзя. Тогда Строгову?.. Нет, к Дим Димычу следовало являться без звонка, чтобы старик не смог увильнуть от встречи. Поэтому для начала я выставил номер справочного и узнал нынешние координаты Анджея Горбовски. Координаты, как выяснилось, не изменились, тогда я позвонил ему домой и застал Татьяну. Сам Анджей был на работе. Покачавшись минуту-другую на волнах искренней женской радости, я испросил разрешения нанести дружеский визит сегодня же вечером и попрощался. Люблю все искреннее. У ребят, похоже, дела шли прекрасно. Затем я переключился на гостиничную линию и вызвал Славина: «Привет, это я». «Приехал?» – спросил он меня. «Да». «Тогда заходи, мы оставим специально для тебя на донышке...» Славин был на удивление трезв и про донышко, по-моему, здорово прихвастнул. Надо вставать и идти, сказал я себе, закрывая глаза. Вставать не хотелось еще больше, чем думать, и я вдруг поймал себя на том, что пытаюсь вспомнить, откуда мне знаком чудак с привокзальной площади. Чудак, которого то ли убили, то ли варварски похитили другие чудaki. Которых, в свою очередь, сожгли из «шаровой молнии» третьи... И я вдруг понял, что ни на мгновение не прекращал этих тщетных попыток, едва местные целители вернули мне возможность мыслить, что я только тем и занимал свой мозг последние несколько часов – вспоминал, вспоминал, вспоминал...

Человек, безусловно, был прав, удивляясь моим реакциям. Я должен был в первую же секунду нашей встречи воскликнуть: «Ба, кого я вижу! Ба, так это же!..» Что-то мешало. Дерево, упавшее поперек дороги. Театральный занавес, застрявший на раздвижных тросах. Профессиональная память странным образом отказала бравому агенту, оставив мучительное чувство старческой несостоятельности. Но если предположить (ха-ха), что я прибыл сюда по чьей-то высшей воле, так, может, и печать на мою память была наложена не случайно? Неприлично тужась, я вытягивал из дыры прошлого ответ на вопрос, и получал в награду размытые кадры из фильма, в которых, к сожалению, не было смысла. Возникал почему-то мальчик, старающийся выглядеть солидным, взрослым мужчиной. Очень правильный мальчик – с обостренным чувством справедливости, непримиримый к фальши и безделью, не признающий полутонов. Черно-белый герой. Кто он? Нить воспоминаний раз за разом натягивалась и рвалась.

Мало того, Бэла Барабаш назвал его Странником. Это уж точно ни в какие ворота не лезло... Я рывком встал.

Картонная бирка с гербом города упала с кровати – я поймал ее на лету. На оборотной стороне вместо бредовой записки была теперь рекламная надпись: «Бог – это счастье. Транспортное агентство „Наш Путь“». Отлично! Воистину, святое дело рекламой не испортишь. Я покинул свои покои, оставив радиотелефон у себя на ухе, а цифровой пульт сунув в нагрудный карман...

Коридор упирался в просторный зал с лифтами. Здесь же был выход на внутреннюю лестницу, а также на ленточную галерею, под открытое небо. За стеклянной стеной был спортзал: в углу на матах кто-то отрабатывал задние кувырки, кто-то стоял на борцовском мосту, и даже на игровой площадке один-единственный чудак кидал мячики в баскетбольную корзину. А на

скамеечке, увлеченно наблюдая за юными атлетами, сидела давешняя старушка с вокзала – та самая, которую я чуть было не записал в службу наружного наблюдения. Блуза с попугаями, брючки, седые кудри – не спутаешь. Любительница сувениров и высоких мужчин. Вот только на ногах у нее теперь были кружевные тапочки, созвучные вязаной панаме. Ага, сказал я себе, повеселев. Случайная встреча. Люблю случайности, именно они не позволяют умным людям почувствовать себя умнее Господа Бога.

Коридорный сидел на стуле, положив ногу на ногу, и читал книгу. Он был одет в форменные красно-голубые одежды и был молод, потрясаяще молод. Розовощекий, с юношескими усиками, коротко стриженный. Когда я подошел к нему, он с достоинством встал и первым сказал мне: «Здравствуйте!», и тут выяснилось, что коридорный к тому же высоченного роста, почти с меня, да еще прекрасно развит физически. Любопытно, что может читать этакий боец? Приключения? Космические ужасы?

– Здравствуй, дружок, – сказал я ему. – Тут такое дело... Кто доставил багаж в мой номер? В двенадцатый-эф?

– Я, – скромно ответил он.

– Прямо из больницы?

– Из какой больницы? Нет, я только поднял чемодан снизу. В отель его доставило агентство «Наш Путь».

– К чемодану было что-нибудь привязано? Что-нибудь необычное?

– По-моему, нет. Только путевка.

– Что такое путевка?

– Ну, бирка с номером. Ее внизу выписывают. А что случилось, товарищ Жилин?

Он захлопнул свою книгу и положил ее на стул, готовясь немедленно принимать меры. На обложке значилось: «Шпенглер. Закат Европы. Том 2».

– Ничего серьезного, дружок, кто-то глупо пошутил. Откуда ты знаешь, как меня зовут? Мой портрет был на бирке?

Парень улыбнулся.

– Вы меня не узнаете?

Второй раз за день мне задали этот вопрос, и снова я ничего не мог ответить. Взглянув на розовощекого красавца повнимательнее, я понял, что его лицо и в самом деле кажется мне знакомым. Второй раз!.. Плохой признак, подумал я. А может, уже симптом?

– Сколько тебе лет? – спросил я.

– Восемнадцать.

– Ого, что ты читаешь! Шпенглер, Фукуяма, Ницше... Я в детстве, помню, читал что угодно, только не философские монографии. Первый том, очевидно, ты уже одолел?

– Я в детстве тоже читал что попроще, – возразил он. – Агриппу, Анкосса, доктора Нэфа и так далее. Пока не понял, что книги по оккультизму очень вредны. Не только тексты, но и сами книги, из бумаги и картона. Их создатели вовсе не делились своими знаниями с людьми, а преследовали иные цели.

– И тогда ты начал употреблять в пищу здоровые книги? Похвально. Закат Европы, говоришь...

Коридорный потянулся, легонько хрустнув суставами.

– Шпенглер, конечно, ошибался, утверждая, что роль европейской цивилизации в истории человечества полностью исчерпана, – сообщил мне этот милый мальчик. – Он забыл, к примеру, что Россия – тоже почти Европа, он не учел такую глобализацию всех процессов, при которой роль любого отдельно взятого континента становится ничтожной, он не мог предвидеть появление на карте Европы такого государства, как наше.

– Да, забавно, – покивал я ему. – Можно полюбопытствовать, что ты еще читаешь, кроме Шпенглера?

Он пожал плечами.

– Джойса, Строгова, Жилина...

– Достаточно, – сказал я. – Поразительный литературный вкус, даже оторопь берет. И какие произведения последнего из названных авторов ты успел освоить?

– Да все, наверное. «Круги рая», конечно. Потом – «Генеральный инспектор», «Главное – на Земле»... Вы ведь приехали Строгова навестить, правда?

– Тебе и это про романиста Жилина известно? Еще немного, и я начну бояться здешних коридорных.

– Я просто с вашими друзьями случайно разговорился. С учениками Дмитрия Дмитриевича, вы понимаете? Они уже побывали в Строгом Доме, как вы, русские, любите шутить, так что я не рискнул их попросить кое о чем...

– У меня много друзей, – согласился я. – И все, как на подбор, ученики Строгова. И так, ты о чем-то хотел попросить меня?

Мальчик помялся секунду-другую, зачем-то оглянувшись на свою книгу, смирно лежащую на стуле, и сказал:

– Простите, но я, пожалуй... В общем, ерунда все это.

– Ну, тогда расскажи мне, кто вон та пухлая пенсионерка в кружевных тапочках, которая перепутала спортзал с клубом для одиноких дам?

Он посмотрел.

– Честно говоря, не знаю, как ее зовут.

– Боюсь, конфуз может получиться, потому что мы с ней где-то уже встречались, – объяснил я ситуацию. – Пожилые дамы так обидчивы. Она кто, местная?

– Она, кажется, из Австрии, – сказал коридорный. – С дочерью здесь отдыхает.

– С дочерью! – обрадовался я. – Надеюсь, мы соседи? Они тоже с двенадцатого?

Мальчик остро взглянул на меня и сразу отвел взгляд. Наверное, заподозрил вдруг, что мои расспросы имеют другую, неназванную цель. И, наверное, с ужасом подумал, как и все они тут, правдивые и правильные, что писатель Жилин – отнюдь не только писатель. Ну и пусть его.

– Я не знаю, с какого они этажа, – вежливо ответил он.

Двери лифта, всхлипнув, раскрылись. Выкатилась кругленькая женщина, затянутая в красно-голубую гостиничную униформу. В руках ее был роскошный букет желтых лилий. Окинув меня взглядом, полным кокетливого интереса, она неожиданно остановилась.

– Это вы? – восторженно спросила она.

– А как бы вам хотелось? – не сплеховал я.

– Вас показывали в новостях.

Я повернулся к коридорному.

– Спасибо за все, дружок, но мне пора. Ты уж извини, что я так и не вспомнил, где мы с тобой раньше встречались.

Он промолчал, ничего не ответил, он подождал, пока я войду в кабину лифта, и только потом уселся на свой стул, положив на колени Шпенглера, том номер два.

– Меня зовут Кони, – успела сообщить женщина, прежде чем двери сомкнулись.

Я вознесся на два этажа выше, в номер Славина...

Братья-писатели, похоже, не скучали. На журнальном столике, и под столиком, и на подоконнике, и на ковре под ногами теснились бутылки разных форм, размеров и расцветок. Кремлевская стена. Великая китайская стена. И все были откупорены, опробованы, но ни одна не допита даже до половины. Пахло кислым – в гостиной явно что-то проливали. Еще пахло консервированной ветчиной. Вскрытая банка стояла здесь же, на столике, выставив напоказ аппетитные розовые внутренности, с воткнутой в самое сердце пластиковой ложечкой. Одна из разинутых дверей вела в спальню – к несобранной постели, к мятым простыням и раскиданной одежде... Неряшливость как известно, это признак постоянной концентрации на чем-то

гораздо более существенном, чем ничтожные подробности окружающего мира. Евгений Славин в этом смысле приближался к просветленным йогам. В смысле концентрации, естественно. И я с сожалением подумал, стараясь не озира́ться, что никогда мне не быть похожим на настоящего писателя. По крайней мере в быту. Потому что привычки бывшего межпланетника – они как животные рефлексy, не дающие особи погибнуть, с ними не поспоришь. Никакой алкоголь не поможет, сколько ни пей.

– О, еще один классик, – сказал Славин, подняв на меня тусклый взгляд. Похоже, хозяин номера был и в самом деле трезв, несмотря на бутылки. Чудеса.

– Здравствуйте, – встал Банев, приветливо улыбаясь. Болгарин был высок, черен и носат – настоящий южный красавец.

– Общий привет, – сказал я. – Где бы мне разместиться, чтобы ничего не пролить?

Это я опрометчиво спросил, и Славин не упустил случая ответить.

– Сильное все-таки у тебя воображение, – позавидовал я. – Чтобы я, с моими габаритами... Как ты себе представляешь этот процесс?

Он перегнулся через подлокотник, едва не выпав из кресла, и принялся сосредоточенно рассматривать этикетки, что-то выискивая.

– Не обращайтесь внимания, – посоветовал мне Банев, усаживаясь обратно. – На вопросы «где» и «куда» он всегда реагирует одинаково, особенно если трезвый.

– Я тоже, когда вижу Славина, всегда реагирую одинаково, – по секрету сообщил я ему. – Мне хочется немедленно написать правдивую книгу о писателях. Волна вдохновения накатывает.

Мы с гостем поулыбались друг другу. Очевидно, к атмосфере, царящей в номере, назовем это так, опрятный и гладкий Банев был непричастен, поскольку до него здесь побывало некоторое количество других гостей. Славин отвлекся, ткнув в его сторону пальцем:

– Если ищешь источник вдохновения, классик, хватай лучше этого чистюлю, не уппусти шанс. Эпицентр.

– Он же не пьет. Какой из него источник вдохновения?

– Зато жадный, как габровец. Тебе нужна правдивая книга? Слушай. Товарищ Банев сумел протасить через тамо́жню бутылку ракии – настоящей, не то что местное дерьмо! – и теперь прячет ее где-то в своих чемоданах, среди манжет и галстуков.

Евгений с ненавистью толкнул ногой столик. Оглушительно зазвенело, стеклянный строй распался, нечто пахучее выплеснулось из горлышка на ковер.

– Что ж ты делаешь, свинья? – спросил я его.

– Не слушайте его, Ваня, – сказал Банев спокойно. – Нет у меня в чемоданах ни ракии, ни манжет.

– А почему он, кстати, не пьет? – продолжал Славин. – Да только потому, что печень у него начала пошаливать, вот тебе и вся мораль.

– Я приехал сюда в том числе с надеждой подлечиться, – грустно сознался гость. – Чего уж скрывать. Ходят слухи, будто здесь все выздоравливают.

– Немые начинают ходить, – процитировал Славин себе в нос. – И даже писать правдивые романы... В самом деле, классик, почему бы тебе не обессмертить кого-нибудь из нас? Мне понравилась эта идея. Самого себя сделал литературным персонажем – позаботься о товарище.

– Беру вас обоих, – принял я решение. – Одного поместим в светлое будущее – пусть они там знают, что алкоголики неистребимы, а другого в мрачное прошлое, чтобы было из кого выбивать проклятую интеллигентность.

– Где же ситро? – с отчаянием в голосе сказал Евгений. – Куда же я его сунул?..

В номере ненавязчиво работал телевизор – на пониженных тонах. Горел стереоэкран, из фонора выползал запах нагретого асфальта, по комнате метались сюрреалистические краски. Шел экстренный выпуск новостей, прямо с улицы, с места событий. Кто-то солидный, потею-

щий от ответственности, торжественно обещал, что нанесенный ущерб будет возмещен всем пострадавшим; кто-то рангом пониже едва не бился в истерике, доказывая, что такого безобразия в здешнем раю просто быть не может, ибо даже в досоветские времена, во времена животной анархии, подобных издевательств над здравым смыслом не случалось! Сначала – откровенно бандитская вылазка на вокзальной площади, от которой общественность до сих пор не успела оправиться, и вот теперь нападению подвергается уже сам вокзал! Заколдованное место. Как хрупок, оказывается, сложившийся порядок вещей – нам всем ни на секунду нельзя об этом забывать...

– Тебя на таможне тоже потрошили? – вдруг спохватился Славин, вывернув на меня бледное лицо. – Водку отняли?

– Подожди, дай послушать, – попросил я его.

Послушать было что. В самом деле, редкостный выдался денек. Снова вертолет упал с небес – огромный, десантный, жуткий. Ровно в полдень. Высадилась свора неопознанных подонков, одетых в форму местной полиции, оцепила вокзал, ворвалась в камеры хранения, – пришельцев-оборотней, похоже, интересовали именно вокзальные камеры хранения, и ничто другое, вот такой странный объект для атаки, – багажные ячейки были вскрыты все до единой, а хранившиеся в них вещи изъяты и погружены в вертолет, попросту говоря, украдены. Грубо и нагло.

– Они тут все утро твоей мордой телевизор украшали, – позлорадствовал Славин, обнаружив наконец свое ситро (бутылка закатилась под кресло). – Свинья грязь найдет. Кстати, хочу тебя обрадовать, Жилин, из твоей затеи может выйти толк.

– Из которой?

– Чтобы написать правдивую книгу о писателях, надо стать, во-первых, старым, во-вторых, занудой. Как ты.

Очевидно, он уже понял, что вожденной водки от меня тоже не дождется, и оттого был желчен. Человек потерял всякую надежду. Жалкое зрелище.

– Бога ради, Виктор, объясните, – обратился я к Баневу, – почему этот урод трезвый? При таком-то изобилии?

– «Бога ради»... – скривился Славин. – Лексикон. Коммунисты хреновы... Межпланетники...

Виктор Банев ответил:

– Все алкогольные напитки местного производства в обязательном порядке содержат аналептические нейтрализаторы. Обратите внимание на рекламу на этикетках... – Он взял первую попавшуюся бутылку и отчеркнул что-то пальцем. – Угнетающее действие на центральную нервную систему значительно ослаблено. Кроме того, присутствует целый букет ферментостимуляторов, специальным образом корректирующих обменные процессы.

– Специальным образом? – спросил я.

– Метаболизируется до девяносто восьми процентов этанола, а не девяносто, как обычно. Неокисленные метаболиты выводятся практически полностью, в мозг не попадают. Вы, конечно, знаете, что эта пакость откладывается именно в мозг и держится там до двух-трех недель, загромождавая сознание...

Я опять спросил:

– А зачем в таком случае надо было загромождать помещение?

– Он не успокоился, пока все не перепробовал, – улыбнулся мне Банев.

– Профессора, – с отвращением сказал Евгений. – Всё знают. Ненавижу.

Я подошел к окну и выглянул. Вид отсюда был ничуть не хуже, чем из моих апартаментов. Фантастическое нагромождение цветных пятен – точно, как на картинах экспрессионистов.

– К Дим-Димычу торопишься? – подал голос Славин. – К нему сегодня Сорокин пошел, имей в виду.

– Нет, в банк, – сообщил я в стекло.

– Ага, денежки менять, – обрадовался он. – Могу дать один адресок. Там, в отличие от ихнего банка, тебе обменяют на рубли столько местных денег, сколько унести сможешь.

– Правда, по полуторному курсу, – с сожалением добавил Банев. – За все надо платить. Я повернулся к ним.

– Зачем? – удивился я.

Они переглянулись.

– Он еще ничего не знает, – сказал Банев Славину.

– Теленок.

– Невинный младенец.

– Ты думаешь, не стоит лишать его невинности? – Евгений откинулся на спинку кресла (нога на ногу, руки за голову) и оценивающе оглядел меня сверху донизу. Долгий это был процесс, я даже заскучал. – Я все-таки скажу, – решил он. – Когда вам, классикам, захочется насовать себе под подушку мягких банкнот местного образца и вкусить свою порцию кайфа, бегите в район площади Красной Звезды. В одном из тамошних переулков прячется штаб-квартира партии Единого Сна. Адрес я не помню, но ищущий да найдет. Обратитесь непосредственно к председателю по фамилии Шершень, и вам помогут обрести долгожданное счастье...

Приятно было наблюдать, как в человеке прорастает интерес к жизни. А то ведь совсем было человек зачах. Я вопросительно посмотрел на Банева, но тот лишь подмигнул мне в ответ.

– Владислав Шершень? – спросил я их обоих.

– Какая разница? – фыркнул Славин, потягиваясь. – Мы ходили к нему не по имени-отчеству величать, а незаконную финансовую сделку совершать.

– Русский?

– Да, конечно, – сказал Банев со странной интонацией. – Помогает землякам, чем может.

Непонятно было, шутят они или нет. А если шутят, то почему мне не смешно. Со Славина что взять – он самого себя в перьях вываливает на потеху благодарной публики... Владислав Шершень, подумал я. Еще один знакомый в этой сказочной стране. Еще один призрак, явившийся из прошлой жизни, чтобы в который раз напомнить о неразрывной связи мертвого и живого...

– Боюсь, счастье мне не поможет обрести даже Единый Сон, – я вздохнул. – Даже вечный.

Очень не хотелось покидать эту академическую компанию, но пора было и честь знать. Прежде чем пуститься в обратный путь по ковру (как бы чего не обрушить!), я снова выглянул в окно. Взгляд мой случайно упал вниз, на площадь перед отелем. И я вдруг с удивлением обнаружил, что дорожки и газончики, если посмотреть на них сверху, складываются во фразы.

НЕ МОЖЕШЬ КУПИТЬ – ПОПРОСИ. НЕ МОЖЕШЬ ПРОДАТЬ – ПОДАРИ.

Вот что там было написано.

Глава пятая

Филиал Национального банка занимал отдельное помещение на первом этаже, рядом с лифтами. Войти можно было как с улицы, так и прямо из гостиничного холла. Если не ошибаюсь, именно здесь располагалась когда-то парикмахерская, которую я почтил много лет назад своим присутствием. Или воспоминания лгали? Как бы там ни было, но офис оказался закрыт на проветривание, о чем извещала вежливая табличка на стеклянных дверях, и я решил подождать.

Здесь было где ждать. Холл впечатлял. Живая изгородь высотой в половину моего роста разделяла пространство на многочисленные зоны отдыха, а также указывала путникам кратчайшие проходы – к лифтам, к стойкам администрации, к бару, – превращая таким образом первый этаж в странное подобие лабиринта. Центральную часть украшал компактный водоем – с фонтаном и кувшинками (очевидно, выполнял функцию увлажнителя). Плетеная мебель причудливых форм подчеркивала растительный характер дизайна. Пол был уложен метлахской плиткой, какую еще в Древней Греции использовали при возведении дворцов и храмов, причем, мозаичный узор был настолько тонок, что вставший на пороге гость замирал на мгновение, полагая, что под ногами расстилаются гигантские роскошные ковры...

Насчет метлахской плитки мне все разъяснил менеджер, которому Бэла сдал меня с рук на руки. Этот улыбчивый клерк, по-детски гордившийся местом своей службы, ввел невежественного дикаря в курс дела, прежде чем расстаться с ключами от номера. Упросил, чтобы я самолично потрогал плитки, даже присел на корточки рядом, завершая краткую лекцию: «... Очень прочный материал, но главное, очень гигиеничный, это ведь главное, согласитесь...»

Менеджер и сейчас находился на посту, излучая готовность решать любые проблемы. Я посмотрел на него, размышляя о том, кто выписывает бирки к чемоданам постояльцев. А также о том, кто отправляет чемоданы по номерам. Спросить? Из грузового лифта как раз вышли два носильщика с бэджами «Наш Путь» на груди – загорелые, молодые, в ослепительно белых одеждах. Через плечо переброшены ремни, на которых закреплен многочисленный багаж, и еще в руках по сумке. Рождественские елки, а не люди.

– Ты сегодня опять к хрусташам в гости? – интересовался один.

– Энергетика должна быть энергичной, – отвечал второй, посмеиваясь.

– Почему на своем горбу, парни? – послал я носильщикам в спину. – А как же средства малой механизации? Где пневмотележки, где треножники?

Они остановились на минутку.

– Зачем тележки? – оглянулся один. – Вяло. Без пользы.

Второй был более многословен:

– Вы не беспокойтесь, мы дозируем нагрузку. Желаем вам здоровья.

Они пошли дальше, сосредоточенно дыша через нос, с каждым шагом, очевидно, набираясь все большего и большего здоровья, и мне вдруг стало завидно, ведь это так удобно: ты укрепляешь свой дух и тело, а тебе еще и деньги за это платят (или они корячились бесплатно?), и вдруг тоже захотелось навесить на себя целебный груз, чтобы иметь право шагать с ними рядом, но тут меня отвлек бар...

Ниша бара располагалась в центральной части холла, чуть дальше фонтана, напротив тумбы стереовизора. Что за фильм крутили, не имело значения, потому что внимание мое сконцентрировалось на одном из зрителей. Человек был слишком увлечен своим бокалом, чтобы проявлять хоть какой-то интерес к происходящему в холле, да и передача, как видно, мало его занимала, потому что едва я взглянул в его сторону, он крутанулся на табурете и принялся что-то обсуждать с барменом. Однако успел все-таки показать мне свое лицо.

Это был метис-мексиканец, персонаж Джека Лондона, который торчал ранним утром на вокзальной площади, выбрав в качестве наблюдательного пункта уличное кафе. Опять, надо полагать, случайная встреча. За кем этот человек наблюдал сейчас?

Менеджер вдруг заметил меня и помахал мне рукой, выбираясь из-за стойки.

– Как кстати, – подбежал он в полном восторге. – Вам только что прислали. Вот... – Он протянул заклеенный пакет и неожиданно козырнул.

Кто же козыряет с непокрытой головой, мысленно ответил я ему. Хотя бы казенную панаму надел, дружок, хотя бы чепчик у мамы попросил... Он собрался исчезнуть, не дожидаясь благодарности, но я остановил его:

– Милейший, не считите за труд. Видите – вон там, в баре? Роскошный индеец, который не дает бармену заснуть на рабочем месте...

– Господин Паниагуа? – заулыбался менеджер.

– Хочу с ним познакомиться, – сказал я по секрету. – Он ужасно похож на моего друга из Аризоны, недавно погибшего.

– Дон Феликс прибыл к нам из Гватемалы, – мягко возразил менеджер. – Ученый-этнограф.

– Этнограф – это великолепно, – согласился я. – Решил изучить закат европейской цивилизации, пока есть что изучать?

– По моим сведениям господин Паниагуа специализируется на индейских культурах, – сказал он значительно. – Вы удивитесь, но у нас здесь существует научно-просветительский клуб под названием «Новый Теотиуакан», который организовали выходцы из Центральной Америки. Я бывал на их лекциях, любопытства ради.

– И что?

– Любопытство удовлетворил. Говорят, у них самая богатая кристаллотека в городе, уникальная коллекция. Рекомендую записаться. Вы, простите, знаете, что такое Теотиуакан?

– Древний город, гнездо Пернатого Змея, – ответил я и протянул ему десятку. Увы, других чаевых, кроме как в рублях, давать я пока не мог.

– Ну что вы! – смутился клерк, зыркнув по сторонам глазами. – Бога ради, оставьте. Мне приятно беседовать с образованным человеком, просто беседовать... – восторг его превратился в ликование. – Так пойдемте, я вас познакомлю.

– Обязательно, – с энтузиазмом сказал я. – Только, знаете, сначала я навещу отделение вашего банка, а то, как видите, кроме рублей у меня ничего нет. Какое нынче знакомство без денег? – Я подмигнул ему, он подмигнул мне, и мы стали друзьями. – Я к вам еще подойду, – пообещал я. – Дон Феликс ведь в нашем отеле проживает?

– Господин Паниагуа живет не в отеле, – сказал мой новый друг с сожалением. – Наша кастелянша – его племянница, поэтому он здесь часто бывает, пользуется бесплатными услугами. Или вот, как сейчас, употребляет наш фирменный кислородный коктейль. Кстати, имейте в виду, в этом скромном с виду баре готовят лучший в городе кислородный коктейль...

На том мы и расстались.

Я неспешно двинулся по холлу, разглядывая переданную менеджером почту. На пакете ничего не было написано, ни сзади, ни спереди, ни сбоку. Ни даже снизу. Я вскрыл пергамент, но обнаружил внутри только брошюру без названия, с тисненым на обложке государственным гербом. Это был ведомственный телефонный справочник, обещанный мне Бэлой.

– Комиссары не лгут, – сказал я, листая голубого колера страницы. Телефон Стаса нашелся легко, именно в той графе, где следовало искать. Председатель Совета директоров Национального банка. Рыбарь по имени Бляха. Надо же. Стас, который пил чистый спирт, не разбавляя, не закусывая и не пьянея, который в аптеке спрашивал предохранители с усиками, а в радиомагазине – презервативы на 5 миллиампер, который, прежде чем сделать из наглеца отбивную, всегда успевал снять очки и сказать: «Я без очков плохо слышу...»

Я вытащил из нагрудного кармана пульт радиофона, подключился к городской линии и набрал номер.

– Пожалуйста, господина Скребутана.

– Кто его спрашивает? – поинтересовались на том конце. Приятным женским голосом.

– Иван из Ленинграда. Так и передайте, он поймет.

– Председатель сегодня болен, – виновато ответила она. – У вас срочное дело?

– Мое дело до завтра подождет, – сказал я беззаботно. – Если не ошибаюсь, день рождения у председателя завтра, а не сегодня.

Разговор иссяк. Болен, подумал я. Хотя кто-то плохо себя чувствует в этом царстве эталонов, хоть кто-то с отклонениями отыскался, а впрочем, жаль, что этим несчастливцем оказался именно мой Стас.

Носильщики возвращались от лифтов за новой порцией багажа. Я отошел в сторону, чтобы не стоять на пути «Нашего Пути», и сел на один из плетеных диванов. Сиденье, как ни странно, было упругим, удобным.

– Вы знаете, что сегодняшней ночью опять намечается шествие бодрцов, – отчетливо произнесли за моей спиной. Я оглянулся. Сзади как раз была живая изгородь, разрезавшая холл на правильные геометрические фигуры.

– Когда же примут закон о тишине? – горестно спросил второй голос.

И я перестал прислушиваться. Наверное, там был точно такой же диванчик, что и здесь. Наверное, люди отдыхали, скрашивая минуты светской беседы.

Помимо рабочих телефонов в справочнике были и домашние. Старательно разогревая в себе сочувствие (человек болен как-никак), я выставил на пульте новые цифры, но весь мой огонь ушел в дым. Дома у Стаса не ответили. Космическая пустота. Я – бывший межпланетник, пустоты не боюсь, тем более, космической, я не поленился повторить вызов, но – в дым, в дым мои горячие порывы!

Невидимые отдыхающие по ту сторону кустов продолжали вполголоса общаться:

– ...Слышали, что сюда Жилин приехал?

– Который всю эту кашу заварил?

– Он, он. В новостях показывали.

– Воистину, нет предела человеческой наглости...

Мне отчего-то захотелось привстать. Или, к примеру, раздвинуть кустики и посмотреть в щелочку. Простое любопытство, ничего личного. К счастью, меня отвлекли, а то бы не выдержал, ей-богу.

Кругленькая пухленькая симпатяшка в комбинезоне красно-голубых тонов подкатила к дивану.

– Я – Кони, – заговорщически сообщила она и присела рядом. – Помните меня?

Я помнил, но скорее не ее, а букет желтых лилий. Это была та самая сотрудница отеля, с которой я столкнулся полчаса назад у лифта, только сейчас женщина несла не лилии – что-то иное, что-то совершенно удивительное. Тоненькие изломанные стебли были усыпаны нежными белыми цветочками в столь большом количестве, что растение в ее руках походило на облако, на кружевную дымку, на воздушное платье невесты.

– Вы, пожалуйста, не сердитесь, – попросила она. – Я, наверно, помешала? Понимаете, около часа назад я услышала... Случайно, когда в оранжерее была. Оранжерея – это на крыше. Жаль, я сразу не сообразила с вами поговорить, а тут увидела, что вы отдыхаете, и подумала: если не сейчас, то когда?

Слова сыпались из нее, как фасоль из дырявого пакета – неудержимо и звонко.

– Что вы делали в оранжерее? Загорали, конечно?

– Загорать вредно, – машинально возразила она.

– Тогда гадали на ромашке?

Женщина улыбнулась. Хорошая у нее была улыбка, искренняя.

– Я работаю аранжировщицей цветов, – объяснила она. – Должность такая.

– Вот оно что, – произнес я, наклонился и понюхал чудо природы в ее руках. Пахло свежескошенной травой, а вернее сказать, ничем особенным букет не пах. – Красивая у вас работа, Кони. Как вы сами.

Она покраснела и затеребила рукой кулончик на своей шее. Это была Молящаяся Дева, вырезанная из черного дерева и подвешенная на тонких кожаных тесемках.

– Спасибо. Так вот, насчет тех двоих сеньоров. Понимаете, я была не в самой оранжерее, а в кондиционерной...

– Вы аранжируете цветы в кондиционерной? – догадался я.

– Нет, там я... – Она потупила взор, отчего-то засмутившись. – Вы никому не скажете?

– Смотря что. Если, например, речь о тайном изготовлении самогона из лепестков черных орхидей, то ничего не могу обещать. Грех скрывать хорошие новости от друзей.

На этот раз улыбнулся я один.

– Никак не получается бросить курить, – шепотом призналась толстушка. – Глупо, правда? Прячусь в своей норе, чтоб никто не видел. Хорошо хоть, эта дурная привычка не мешает мне... ну, вы понимаете, о чем я...

Разумеется, я понимал с трудом. Я просто ждал. Упоминание о «двоих сеньорах» мгновенно разбудило омерзительного человечка в моей голове, задремавшего было от райской скуки, но я пока не давал ему слова. На что я надеялся, затягивая разговор?

– А как насчет других вредных привычек? – с ответной доверительностью сказал я. – Видите ли, я новичок. Боюсь, в повседневной жизни я позволяю себе некоторые излишества...

Она печально покивала.

– Да, излишества – это проблема. Удержать здоровье позволяет только норма, спасительная норма. Но то, о чем мы с вами сейчас заговорили, не имеет прямого отношения к образу жизни. Гораздо важнее готовность человека. – Она постучала пальчиком по своему лбу. – Вот здесь. Если человек готов, у него получится.

– И у вас... – я задохнулся от восхищения. – Получилось?

– Посмотрите на меня, – сказала она, заложила руки за голову и выгнула спину на манер профессиональных фотомоделей. – Вы не поверите, но за последние годы я невероятно похудела. Страшно рассказывать, какая была раньше. А теперь обмен веществ полностью восстановился, лишние углеводы в организме не задерживаются и в жиры не превращаются, никакие диеты давно уже не требуются. Что меня спасло? – Женщина перекрестилась ладонью – слева направо, как истинная католичка. – Благодарение Богу, у меня получилось.

В голосе моей собеседницы на миг вспыхнуло и погасло ликование. Что именно у нее получилось? Я поостерегся уточнять. Не люблю, когда мне дают пощечины, даже если это от чистого сердца. «Опять она плохо спала, опять ее предали сны...» Профессиональный нейрофизиолог, коим является супруга лейтенанта Сикорски, всего лишь услышала глупый стишок... и чем закончилось?

– Стало быть, в кондиционерной курить не возбраняется, – вернул я разговор в исходную точку.

И женщина вспомнила, что подошла ко мне неспроста. И лицо ее, освещенное внутренним светом, сразу погасло. Она тихо сказала:

– Я, когда курю, отключаю аппаратуру, а дым выпускаю прямо в фильтровочную камеру. Если бы я вентиляторы не обесточила, то ничего бы не услышала... А эта парочка, наверное, выбрала оранжерею, потому что днем у нас никого не бывает. Встали за стойкой с клематисами, чтобы их не видно было. Там как раз одно из окон воздуховода спрятано, они этого не знали...

– Вот что, милая, давайте-ка мы с вами тоже встанем, – прервал я ее.

Цветочница послушно поднялась следом за мной. Встав, я посмотрел назад – все-таки не отказал себе в удовольствии, – как бы ненароком заглянул за растительную изгородь и обнаружил по ту сторону кустов двух старичков в форме национальной гвардии, смиренно лежащих на топчанах. Форма была устаревшего образца. Поймав мой взгляд, ветераны дружно улыбнулись мне в ответ. Выдержка старых вояк не подвела. Очень доброжелательные такие старички, как и все в этом сказочном мире – доброжелательные в квадрате, чуткие в кубе. Но были ли они искренни? И что является бОльшим насилием над человеком, показная воспитанность или искренняя неприязнь?

А потом я заметил Марию.

Мой бывший начальник спускался по главной лестнице, напряженно глядя себе под ноги сквозь толстые стекла очков. Мария Ведовато собственной персоной, директор Юго-Западного отделения, служебный позывной «Дуче». Вечная трость, вечная седина. Живот, едва не выпадающий из брюк. Двигался он так, будто боялся упасть, и вообще, был он какой-то придавленный, сторбленный, нездоровый, никак не вписывался он в общую идиллическую картину. Эх его согнуло, моего несгибаемого шефа, с жалостью подумал я. Да, сильно он постарел. Вот самое точное слово – постарел... Итак, Мария тоже оказалась здесь. Это было потрясающе. Человек, стоящий на краю отставки, приезжает в рай за утешением. Или у него командировка? Опять Планета проявляет интерес к этому оазису, бывшему когда-то Страной Дураков и перепаханному под новые посеы? И где в таком случае Оскар, где их вездесущая тень, накрывшая с некоторого времени весь оперсостав Совета безопасности? Нет, потрясающим было не это, это как раз было банальным – сплетение интересов, подлый расчет, благородное недомыслие, – не то, не то. Но что тогда?

Было ощущение, будто кто-то выдернул всех моих прошлых знакомых за шкуру и нарочно закинул сюда, чтобы меня потешить. Вот и Строгов сюда переселился. Зачем? Бред, как известно, заразен, переносчиками являются простые человеческие слова. Тот сумасшедший возле вокзала, который тоже был моим знакомым, сказал: «Я во всем виноват», – тем самым втянув меня в этот спектакль, ибо чужую вину я принимаю только в доказанном виде; он же сказал мне: «Вы межпланетник, вы все поймете правильно», но пока я понимал лишь то, что всякая потеха имеет свои границы, и что теперь я не смогу успокоиться, пока не выйду за эти границы...

А потом Мария увидел меня.

И ничего не произошло. Он направлялся в ресторан, поэтому наши пути никак не могли пересечься. Мы не подошли друг к другу, не пожали друг другу руки, не пожелали здоровья. Обменялись короткими взглядами – и все. Он был из тех, кто пытался оставить меня в Службе контроля, вернее сказать, он был единственным, рискнувшим вступить за предателя. Не знаю, чего это ему стоило. Да вот хотя бы того, что начальником над ним сделался Оскар, а не кто-то другой. Мария, как передали мне позже, считал меня лучшим своим сотрудником, хотя, никогда не говорил мне этого в глаза. И вот теперь мы даже кивка друг друга не удостоили. Очевидно, старик так и не смог мне простить, что я оказался не таким, каким он меня придумал. А я? Чего я не мог им всем простить?

– Посидим в рекреации? – спросила Кони, тревожно заглянув мне в глаза.

– Где-где? – испугался я.

Она показала на ближайшую зону отдыха, которая была свободна.

– Так в Университете говорят, – пояснила она. – Много словечек оттуда гуляет.

– Гуляет – это прекрасно, – сказал я и взял женщину под локоток. – Но мы пойдем своим путем...

Я повел спутницу в направлении стереовизора, двигаясь так медленно, как это возможно, и ловко превратил беседу в скрытый опрос. Впрочем, я давно это сделал – незаметно для самого себя. Кого обманываю? Давно уже разговаривал не я, а мой изголодавшийся напарник,

прогрызший лабиринты у меня в голове. Голова была подземельем, из которого тянуло сыростью и смрадом, там жил уродливый карлик, имя которому – навыки оперативно-розыскной деятельности. Это маленькое коварное существо функционировало по своим правилам, независимо от воли и желаний большого Жилина, поэтому еще вопрос, кто из нас был большим, а кто маленьким. Пока он работал за меня языком, сам я осматривался, придирчиво изучая обстановку. Других моих знакомых, к счастью, поблизости не наблюдалось, никто и ничто не мешало опросу в форме беседы...

– Они что-то против вас замышляют, – совсем неслышно сказала Кони, чуть не подпрыгивая от важности момента. – Что-то очень плохое.

– Почему вы так решили? – спросил я.

Цветочница на секунду потерялась.

– А зачем было прятаться? – прошептала она с возмущением. – Сначала всю оранжерею осмотрели, даже в подсобку заглянули! Что им в подсобке было нужно? Ящики, горшки, садовый инвентарь?

– Может, это любители особых запахов? – предположил я. – Бывают и такие.

Она тихонько хмыкнула.

– Это точно, там еще коробки с удобрением хранятся... В кондиционерную, кстати, тоже подергались. Я, когда курю, всегда запираюсь, а они подумали – никого нет. Ругались шепотом, торговались о чем-то. Очень плохо было слышно... – Женщина вдруг зажмурилась от ужаса. – По-моему, они хотят вас похитить.

– Кто – они? – спокойно сказал я.

– Сеньор Ангуло.

– А второй?

– Не знаю, – огорчилась она.

– Сеньор Ангуло – это кто?

– Какой-то военный.

– Если можно, – попросил я, – расскажите подробнее о том, что вас так встревожило...

Мы неумолимо приближались к бару с отдыхающим там господином Паниагуа. Не знаю, нервировало ли гватемальца наше перемещение по холлу, но затылок его ничего не выражал. «Итак?» – крепче прижал я свою спутницу к себе. Что ее встревожило? Например, такое редкое слово, как «Жилин»? Как ни переводи, на любом языке все равно получишь «Жилин», не правда ли? Сеньоры вставляли эту русскую фамилию едва ли не в каждую фразу. А как расценить яростный стон «¡Solo de vivo!», который господин Ангуло вколотил в своего приятеля? Это по-испански, означает – «только живым». Поймав кусочек испанской речи, Кони чуть сигаретный дым не проглотила, настолько странным ей показалось услышанное. Или еще: «Cambiamo el carro», то есть «автомобиль мы заменим»... Разве могла она, ответственная во всех отношениях женщина, не подойти и не поделиться с Жилиным своими сомнениями? Особенно после репортажей о происшествии на вокзальной площади, которые произвели на нее сильное впечатление...

– Мой отец увлекается вашими книгами, – добавила Кони так, будто это оправдывало ее поступок. – Сама-то я, к сожалению, не люблю читать.

– Сколько лет вашему отцу? – поинтересовался я.

– Семьдесят три.

Ничего себе, подумал я. А тебе тогда сколько, пышечка? Я посмотрел на собеседницу гораздо более внимательно, чем того требовали приличия. Выглядела она на двадцать пять, никак не старше. Очередная ведьма без возраста? Я бросил наугад:

– ¿Comprende usted el español?¹

¹ – Вы понимаете по-испански? (исп.)

– Olvidar la lengua materna es un pecado², – несколько обиженно ответила она. – Мои родители из Картахены, а фамилия наша Вардас.

Паниагуа на пару со своим соседом по стойке, между тем, одновременно снялись с насиженного места и пошли к выходу из отеля. Траектория их пути на мгновение пересеклась с нашим. Моя спутница примолкла, умница, зато дон Феликс, наоборот, и не подумал уменьшить мощь своего баритона. Он вещал хорошо поставленным учительским голосом:

– ...Из испанцев только Кристоаль де Олид серьезно воспринял рассказы насчет чудодейственной реликвии, потому и сбежал от Кортеса. А вовсе не потому, что он был свидетелем резни в Темпло-Майор. Реликвию Кристоаль не нашел, был пойман и казнен Кортесом за измену, а свиток его отправился кочевать по рукам...

Когда они удалились, я сказал:

– Вторым был случайно не этот господин?

– Какой? – не поняла Кони.

– Тот, который мимо нас прошел. У которого здесь племянница работает кастеляншей.

Она фыркнула.

– Феликс? Нашли племянницу! Феликс – видный мужчина, так зачем же, прости Господи, скрывать то, что всем в гостинице известно? Племянница!

– Короче, не он, – подытожил я. – А жуткий сеньор Ангуло? Тоже здесь племянницу имеет?

Опять она сильно разволновалась.

– Как вы думаете, мне заявить в полицию?

– Я заявлю сам, не волнуйтесь, – сказал я ей. – Все будет хорошо, chiquita³. Когда вы заканчиваете работу?

– Оранжевая закрывается в восемь.

– Того, второго, сможете узнать в лицо? Или по фото?

Она молча кивнула. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Наши головы находились на разных этажах: женщина еле-еле доставала мне до груди. Ей было очень жалко уходить.

– Последний вопрос, – сказал тогда я. – Что это такое у вас в руках?

– Гипсофилы, – сказала она кокетливо. – Никогда не видели таких цветочков? Идеальный компоновочный материал. Это у меня однолетние, а бывают еще многолетние, цветочки у них помельче и ворсинками покрыты, как будто махровые... Вы точно обратитесь в полицию?

Я тяжело вздохнул.

– А куда денешься? Иначе, я подозреваю, вы поднимите на ноги и Мировой Совет, и ООН.

По-моему, она была удовлетворена, если позволено так выразиться. Она ушла, не оглядываясь, бережно неся свои гипсофилы. Я проводил взглядом аппетитную фигурку, затянутую в красно-голубую униформу. Посмотреть женщине вслед – хороший способ проконтролировать окружающую обстановку, однако ничто не изменилось в холле, не сместилось как бы случайно с мест. Не дрогнули ничьи головы, не задвигались ничьи губы. Если за мной и следили, то делали это на высоком техническом уровне, в чем лично я не видел никакого смысла.

² – Забыть родной язык – это грех (исп.)

³ девочка (исп.)

* * *

Банковское отделение давно уже открылось, внутри был народ. Проветривание помещений благополучно закончилось, как и вентиляция моих мозгов. Я прошел сквозь вертушку внутрь...

Офис ничем не отличался от тысяч похожих заведений, разбросанных по всему свету. В одном из окошечек я получил документ, озаглавленный: «Закон о денежном обращении», – вместе с просьбой ознакомиться и подписать, – а также совет изучить материалы на стендах. Я начал со стендов, в результате чего выяснил, что денежная единица, имеющая хождение в данной стране, называется динаром (это я знал и раньше) и что один динар равен ста сантимам (об этом я догадывался). Но вот о чем я не знал и не догадывался, так это о том, что суммы, подлежащие обмену, строго ограничены. Причем, все зависит от статуса клиента. Судя по специальной таблице, я подходил под определение «турист первого дня». Подобная практика была по меньшей мере странной, ибо каким образом, черт возьми, они тут добиваются устойчивости собственной валюты, если ограничивают ввоз чужой? Впрочем, сумма, на которую я мог претендовать, полностью меня устраивала, тем более, что через пару дней я переходил в следующую категорию клиентов. Любопытно, что наивысшим приоритетом при обмене наличных денег пользовались инвалиды, а также лица, страдающие тем или иным хроническим заболеванием, чей недуг был подтвержден соответствующим документом.

– Справочку и купить можно, – пробормотал я. – На что они рассчитывают?

– Не всякая справочка годится, – тут же последовал отклик. Я посмотрел через плечо. Сзади пристроился некто, сосредоточенно дыша мне в рубашку. Плюгавый мужичок в гавайке и шортах – он выписывал что-то из таблиц себе в блокнот.

– Да? – вежливо спросил я.

– Вы новенький, – сказал он, не глядя на меня. – Еще полны надежд. Это очень трогательно, поэтому я объясню. Законную силу имеет только справка, подтвержденная в одном из местных лечебных учреждений. Никакую другую банк не примет.

– И что это меняет? Купим у местных.

– Когда врачи избегают врать даже по долгу службы, даже из чувства сострадания к пациенту, неужели вы думаете, есть шанс, что они сделают это за мзду?

– Спасибо, – сказал я ему. – Надеюсь, у вас с надеждами тоже все в порядке.

Он промолчал. Взгляд на меня он так и не поднял. Я отошел, уселся за столик и положил перед собой «Закон о денежном обращении».

Возле окошка с надписью «Кассир» разгорался маленький скандал. Клиент требовал, чтобы ему выдали положенную сумму (отнюдь не скромную по моим меркам) непременно мелкими купюрами. «Имею право», – тупо повторял он. Очевидно, это был турист НЕ первого дня. Нужного количества мелких денег в кассе не оказалось, так что клерк с позором удалился в сокровищницу за пополнением, а все прочие вынуждены были ждать.

Борцовского вида крепыш, расположившийся за столиком напротив меня, оторвался от созерцания своей чековой книжки.

– Глупец, – меланхолично произнес он. – Думает, чем больше бумажек под подушку положит, тем красивее сны увидит.

– А на самом деле... – подбодрил я его.

– На самом деле, сэр, количество не переходит в качество, и не надейтесь. Все наоборот. Хочешь хапнуть больше – значит, алчный, значит, ничего у тебя не получится... – Глаза собеседника гневно сверкнули, выдав истинные его чувства.

Ага, подумал я, в их рай, оказывается, не только лжецам путь заказан.

– Почему? – наивно спросил я.

– Алчность, сэр, ничем не исправишь. Хотите знать первое имя дьявола? Алчность.

Но где он находится, их нынешний рай, продолжал я размышлять, кто бы показал туда дорогу? И при чем здесь красивые сны? И, в особенности, при чем здесь деньги под подушкой?

Я прилежно прочитал выданную мне бумажку. Закон о денежном обращении, как выяснилось, сводился к одному-единственному требованию: местные деньги в наличной форме нельзя было вывозить из страны. Причем, за нарушение наступала не административная ответственность, а уголовная, высылкой дело не ограничивалось. Это ограничение показалось мне еще более нелепым, чем трудности с обменом валюты. К чему такая искусственная замкнутость? Как они торгуют с соседями по планете, как, наконец, строят отношения с космическими коммунами? Или здесь благополучно сосуществуют два динара: явный и тайный?

Я, конечно, расписался в графе «ознакомлен», не стал капризничать. После чего вернулся к окошку. Там уже стоял посетитель, брезгливо обмахиваясь точно такой же подписанной грамотой. Он проворчал, легко распознав во мне товарища по несчастью:

– Они тут сумасшедшие.

– Я обратил внимание, – нейтрально сказал я.

– Ввели свои деньги, – воодушевился он. – Какого черта? Вот раньше, до заварушки – плати, чем хочешь. Вы бывали здесь раньше? Хоть драхмами плати, хоть крузадо. Райское было местечко. Но теперь мне выбирать не приходится, полиартрит совсем замучил, засыпаю, вы не поверите, только с грезогенератором в люстре. А здесь, говорят, просто чудеса творятся. Ни одного чуда, правда, я пока не видел, если не считать того, что доллары наши им почему-то не нравятся...

– Рубли тоже, – вставил я.

Он изменился в лице.

– Вы русский?

– Если в роддоме не наврали.

Он отвернулся.

– Кругом русские, куда ни плюнь, – сказал он как бы сам себе, но так, чтобы все услышали. – Что ж они всюду лезут? Уже превратили свой Верховный Совет в Мировой, и все мало. Мир спасают, просто мания какая-то, от них бы кто спас. Такое место изгадили... – Он сунулся головой в окошко и спросил у операторши: – Вы не обидитесь, мэм? Я пережду где-нибудь в уголке, пока помещение не очистится от свиней.

Некоторое время этот несчастный, переполненный злостью человек пребывал в сладком ожидании ответных чувств с моей стороны. Когда он удалился, со скрипом волоча свои плохо гнущиеся мощи, я обратился к барышне по ту сторону стекла:

– Просветите новичка, добрая фея. Почему на улицах нельзя расплачиваться долларами или рубликами, если в ваших магических правилах нет на это запрета?

– Пожалуйста, расплачивайтесь, – ослепили меня улыбкой. – Если кто-то согласится, никаких проблем. Ваш паспорт и гостевую карту, пожалуйста...

Если кто-то согласится, мысленно повторил я. Поистине, их Национальный Банк сотворил чудо, и не видно ни одного разумного объяснения, каким образом это сделано. Правильно подметил мой разговорчивый русофоб: здешние финансы нынче – совсем не то убожество, которое было раньше. И во главе всего – Стас-Бляха, служивший когда-то простым бухгалтером при Университете. Встретиться бы нам, озабоченно подумал я. Не упустить бы случай, а то когда еще занесет меня на эту благословенную землю, изгаженную вездесущими русскими волонтерами...

Формальности не отняли много времени. У кассира народ уже рассосался, и я сменил одно окошко на другое. Девчушка, только что отошедшая от кассы, бегом торопилась к выходу, открыто целуя зажатую в пальцах купюру.

– У детей тихий час, – отчетливо произнес кто-то.

Очевидно, это было весьма остроумно, потому что компания из трех молодых людей (два парня и девушка), вошедшая в банк со стороны площади, хором засмеялась, дав бегунье дорогу.

– Смотри под ноги, хрустяшка! – послали ей вслед.

– Совсем стыда не осталось, – сердито сказал пожилой охранник, прогуливающийся вдоль стоек. – Хрусташи, отбросы помойные. Скоро начнут прямо под дверями укладываться.

Я быстро получил свою порцию денежных знаков и сунул пачку в карман, не пересчитывая. В этот момент радиотелефон запищал у меня в ухе.

Звонил Бэла.

– Подожди, – сказал я ему. – Сейчас на улицу выйду...

Возле охранника я ненадолго притормозил.

– У вас что, не получается? – спросил я со значением.

Тот вдруг застыл. Не найдя, что ответить, он нервно сморгнул; тогда я предположил сочувственно:

– Может, не так питаетесь?... Да не с тобой я говорю, комиссар, спокойно.

Не люблю, когда детей обижают, есть у меня такое уязвимое место. Собственными детьми за полвека не обзавелся, оттого, наверно, и переживаю за чужих. Я пошел себе дальше – к солнцу, к пальмам, к открытому настежь городу, – а задетый мною старый дурак послал мне в спину с неожиданной тоской:

– Не говорите ерунду! Ну причем здесь питание-то?

Двери вывели меня, по счастью, с противоположной от памятника стороны. Здесь было море – наконец-то я его увидел. Город спускался к морю широкими террасами, лежал под ногами, как макет, и, казалось, достаточно шагнуть, чтобы раздавить гигантской сандалией этот игрушечный мир. Отель стоял в изумительно красивом месте, как раз на границе равнинной и прибрежной частей... Оказавшись снаружи, вне зоны действия любопытных ушей, я сказал Бэле напрямик:

– У меня алиби, имей в виду. В момент нападения на камеры хранения я гулял с тобой по проспекту Ленина.

– Остришь, – неодобрительно сказал он. – Рад за тебя. Тут такой вопрос, Иван. Тебе знакомо имя Рэй?

– Кто это?

– Значит, опять я зря на тебя понадеялся... Странная история, бординженер. Мне передали анкету. Ту, которую при въезде в страну заполняют, помнишь? Она пришла не совсем обычным путем, ее подбросили. Украл где-то бланк строгой отчетности... но это не важно. Там было написано имя: Рэй. В графе «профессия» значилось: шпион Совета безопасности, а цель приезда указана следующая: перестать лгать. И приписка: «Надо с чего-то начинать, не так ли, агент Жилин?» Про агента Жилина – это не мои слова, это было в анкете.

– В вашей уютной стране есть сумасшедшие, – сдержанно отозвался я. – Ты не замечал? Почему-то их особенно много среди поклонников литератора Жилина. Не знаю, что тебе ответить, Бэла. У тебя в городе такие дела творятся, а ты, по-моему, из-за явной шалости переполох поднял.

Я не знал, что ответить, поскольку имя Рэй и вправду было мне знакомо. Если, конечно, речь шла о том человеке, о котором я подумал. Начальник полиции помолчал.

– Никаких «дел» у меня больше нет, – устало сообщил он. – Раскрою тебе служебную тайну, Иван. Из упавшего в бухту вертолета мы вытащили кое-какие документы, но даже не успели их восстановить. Дело опечатано и увезено представителями Управления внутренних расследований при Совете безопасности. Зеленые галстуки все изъяли, подчистую. Так что шалость с анкетой не кажется мне смешной и, тем более, случайной. И вот еще что...

Бэла был очень зол. Не мог просто взять и утереться.

– Знаешь, что означает буква «L» на борту? – сменил он тему.

– «Light Forces», – сказал я. – Их татуировочка.

– Я думал, это легенды.

– Может, провокация? – спросил я с сомнением. – Кто-то камни по кустам кидает, чтоб все в сторону побежали.

– Камни по кустам... – сказал он. – Красиво звучит. Сразу видно, что ты писатель.

– Ваши камеры хранения тоже буква «L» ограбила? – поинтересовался я у него.

– Да. Знаешь, Иван, от такой наглости остается только зубами скрежетать. Теперь они были одеты в форму нашей полиции. Успели подготовиться, не то, что утром. Правда, они ведь не знали, в каком номере и в какой гостинице агент Жилин имел несчастье познакомиться с неким существом по кличке Странник, поэтому ячейки были вскрыты все до единой...

Он сказал все это со скрытым смыслом, который вовсе не собирался скрывать, и у меня пропала охота изображать из себя постаревшего весельчака, готового язвить по любому поводу. И я начал всерьез подумывать, не закатить ли мне в качестве ответа показательную истерику, но решил повременить, пока не исчерпаю собственные вопросы, например, такой: проходит ли Феликс Паниагуа свидетелем по делу об утреннем похищении?

– Феликс Паниагуа? – удивился Бэла, – С чего вдруг? Этот господин в столь ранний час, вероятно, еще сны свои просматривал.

– А как насчет некоего сеньора по фамилии Ангуло? – задал я второй вопрос. – Известен этот человек полиции?

Секунду-другую радифон молчал.

– Мигель Ангуло? Почему ты спрашиваешь?

– Он курит в оранжереях и путает многолетние гипсофилы с однолетними.

– Мне не до шуток, Жилин, – раздраженно сказал Бэла. – Полковник Ангуло – это крупный чин в Бюро антиволнового контроля. Есть в стране такая спецслужба, оставшаяся со времен борьбы со сляком.

– Можно еще вопрос? – сказал я. – Чем занимается клуб «Новый Теотиуакан» НА САМОМ ДЕЛЕ?

– Не знаю, что ты имеешь в виду, – заявил он. – Не понимаю смысла твоих расспросов. Новый Теотика... Теуака... тьфу! Таких общин у нас десятков, ничего противозаконного. Эти чудики озабочены только поисками своего небесного черепа, и ничем другим... Короче, если у тебя есть информация, советую поделиться.

– Погоди, чем озабочены? – встрепнулся я.

– В наших водах якобы затонула реликвия древних ацтеков, ты не слышал эту легенду? С одним из английских транспортов. А может, их священный череп затонул с одной из каравелл Педро де Альварадо, я точно не помню. В общем, уже лет пять, как латиносы морское дно у нас утюжат. Ну, так ведь каждый сходит с ума по-своему...

Насчет того, что у каждого свои тараканы в мозгах – это он верно подметил. Чем я мог с ним поделиться, какой информацией?

– Реликвия! – значительно произнес я. – Нет ли тут связи со вскрытыми камерами хранения?

Он сердито хрюкнул, не имея больше желания отвечать на мои насмешки, и я понял, что сейчас контакт прервется.

– Минуту, комиссар, – попросил я. – Открой последний секрет. Что в ваших краях делает Мария? Тоже турист?

– Ты про бывшего шефа? – не сразу догадался он. – Никаких секретов. Мария разыскивает своего ребенка, так честно и указал в анкете. Мол, чадо удрало от папаши и скрылось где-то здесь.

– И вы ему поверили, – констатировал я.

– Как и тебе. А что? Кстати, раз уж ты заговорил, – добавил Бэла странным голосом. – Твой Мария написал в анкете, что его ребенка зовут Рэй. Рэй Ведовато. Тебе в самом деле нечего мне сообщить?

Печальная история, подумал я. «Ведовато» в переводе – что-то вроде «вдовца». Вдовец Мария, оказывается, имел отпрыска, которого Господь не наделил родовой дисциплинированностью и ответственностью. Несчастливая фамилия. Отцы и дети. Шум и ярость, жизнь и судьба...

– Пошел к черту, – сказал я начальнику полиции.

И потерял к разговору интерес.

Я с изумлением смотрел вниз. На одной из террас, раскинувшихся под моими ногами, давно уже наблюдалось малопонятное движение. Сустились игрушечные автомобили, сустились кукольные фигурки людей. И вдруг я услышал выстрелы – далекие, ненастоящие. А потом я заметил и вовсе нечто невероятное: над кварталами вставало веселое северное сияние, какое я видел только на Таймыре. И еще я видел подобное в Париже, над Лувром, когда жандармерия ради спасения коллекции применила уникальную техническую новинку. Вот и сейчас солнце над одной из крыш преломлялось совершенно особым образом, прозрачные капли света устраивали ведьмовские пляски, и я понял, что один из трехэтажных каменных домов накрыт мобильным блокирующим колпаком. «Чалмой джинна» на нашем языке. И вдруг ударила пневматическая базука: этот оглушительный вздох ни с чем не спутаешь. Очевидно, какой-то чудак попытался таким образом пробиться к дому. А потом здание, накрытое силовым шатром, взорвалось изнутри – бесшумно и потому особенно жутко, провалилось внутрь себя, как в жерло маленького вулкана. Пламя свирепо толкнулось в невидимые стены, не в силах вырваться на волю, и закрутились, закатались под куполом огромные огненные колеса...

А потом из подземного гостиничного гаража выскочила семисотая «Волга» с открытым верхом, цвета морской волны, ведомая белым от напряжения сеньором Паниагуа. Автомобиль с ходу зарулил на Приморский спуск и стремительно помчался вниз, отчаянно петляя на поворотах.

Глава шестая

Кто-то совершил нападение на культурно-просветительский центр «Новый Теотиуакан». Атаку организовали настолько профессионально, словно внутри не мирные книжники штаны протирали, а точила ножи стая натасканных головорезов. Впрочем, судя по всему, так оно и было, и неведомый «кто-то» был об этом хорошо осведомлен. Сначала в противомоскитную систему здания (три этажа, лекционный зал, кафе) запустили гипнодел широкого спектра, в результате чего каждое окно превратилось в мощный психорезонатор. Каким образом это удалось проделать, история умалчивает, но хозяева и гости Центра, все поголовно, превратились в послушный безмозглый скот. И тогда во дворик, увитый хмелем, въехал невзрачный автобус. Что происходило внутри, свидетели из соседних домов не видели, а непосредственные участники (из тех, которые остались живы), ясное дело, не запомнили. Иначе говоря, какова была цель этой акции, осталось неизвестным. Известно одно: налетчики быстро и безошибочно разделили всех находившихся в здании людей – на случайных и неслучайных. Первых они мило-сердно вывели за пределы периметра, вторых оставили внутри. Затем выкатили из двора свой автобус и включили (ими же и установленный на крыше) генератор блок-поля, накрыв общину «чалмой джинна» – чтоб никто и не думал выйти вон. Мало того, эти странные ребята даже в полицию позвонили, отчитались о проделанной работе. Они настоятельно посоветовали обыскать «Новый Теотиуакан», а также принадлежащую общине виллу на побережье, и заодно подарили полицейским «волосок из бороды», то есть сообщили волновой код, нейтрализующий «чалму джинна». После чего автобус покатил в неизвестном направлении. Так бы все и закончилось мирно да тихо, если бы в помощь ученым этнографам не подоспели их товарищи, которые, мгновенно разобравшись в ситуации, попытались организовать погоню. Однако нападавшие были готовы и к такому варианту. Оставленное на улице прикрытие в виде двух легковых броневых автомобилей встретило противника огнем, и тот отступил, поскольку у него-то машины были обычными, серийными. А потом внутри блокирующего колпака кто-то очухался. Свидетели видели, как вновь прибывшие знаками переговаривались с этим человеком. Почему он пришел в чувство раньше времени? Возможно, употреблял волновые стимуляторы, поэтому действие гипнодела оказалось ослабленным, возможно, по какой-то иной причине. Теперь это не выяснишь, да и не так это важно в свете того, что произошло дальше. Единственный очнувшийся член общины, приняв решение за всех пленников, выволок из подвала термическую мину и запалил ее прямо на глазах у молящихся на свободе соратников. Очевидно, им было что скрывать от мира, поклонникам «Нового Теотиуакана». Акт самосожжения привел к уничтожению всех, кто мог бы проявить слабость в неизбежном общении с властями, а также уничтожил большую часть возможных улик. Фанатик полагал, что совершает подвиг. Наверное, так оно и было.

К приезду полиции и пожарных все непосредственные участники, конечно, испарились с места происшествия. Случайные люди разбежались еще до взрыва. Стражей порядка встретили только светящиеся от жара руины и обезумевшие от ужаса соседи. В пыли ползали невменяемые, ничего не понимающие «очевидцы». Раненых и убитых, если они и были с чьей-либо стороны, боевики увезли с собой. Благодаря любезности нападавших, полицейские легко установили связь с генератором блок-поля (выдернули волосок из бороды) – и злой джинн послушно вернулся в бутылку.

К счастью, несмотря на катастрофу, кое-какие улики сохранились. Ибо ничто не сгорает бесследно, если оно сделано из металла и мезовещества. Например, накопительная камера от «шаровой молнии». Или останки трейлера с раздвижной крышей и специальной станиной внутри, приспособленной как раз для транспортировки и наведения плазменных сгустателей. Все перечисленное было обнаружено тут же, не отходя от руин. А под руинами спасатели

нашли огромный подвал, разделенный надвое. В одной половине были остатки знаменитой кристаллотеки (коллекция, разумеется, не подлежала восстановлению), другая половина представляла собой настоящий бункер: мощный экранирующий слой под панелями обшивки, непростые двери... Впрочем, двери как раз были беспощадно вскрыты. И железная цепь, словно из средневековья пришедшая, с разодранным в клочья ошейником на одном конце, насаженная другим концом на скобу в стене...

Прочие занятные вещицы нашлись уже на вилле, которую новые ацтеки, или кто они там на самом деле, арендовали у городского Департамента собственности. Вилла стояла далеко на взморье и была в спешке покинута арендаторами, однако им не хватило времени, чтобы вывезти все. Зато хватило разума не осквернять гостеприимную землю вторым взрывом. Так что Z-локатор, установленный на крыше и культурно замаскированный под башенку обсерватории, уцелел. Осталась и карта слежения, привязанная по времени точно к утреннему рейду штурмового «Альбатроса». И даже программа асимметричного наведения не была стерта. Участок вокруг виллы был оборудован системой рассеивателей, защищавших локатор от обнаружения (в качестве ложного ориентира выдавались координаты диспетчерского пункта аэропорта). А в ангаре, среди всевозможного подводного снаряжения, обнаружился молекулярный резак с полностью разряженной батареей. Этаким консервный нож в кармане любого уважающего себя диверсанта, которым очень удобно, скажем, вскрывать рухнувшие на морское дно вертолеты...

Впрочем, все эти подробности я узнал позже.

Пожелав Бэле творческих успехов, я быстренько поднялся к себе в номер. Я вернулся в отель специально и только для того, чтобы положить радиофон обратно на тумбочку, лишая себя связи с миром. Мне вдруг перестали нравиться блага цивилизации, дающие кому-то возможность в любую минуту призвать меня к ответу. Я почему-то подозревал, что вопросы к моим ответам будут возникать снова и снова. И я отправился, черт побери, гулять, ибо, черт побери, я был свободным, одиноким, при деньгах.

В городе чувствовалась суeta. Мелькали пожарные машины, роились в небе служебные вертолеты, на улицах было как никогда много полицейских. Похоже, город наконец-то проныло... Откровенно говоря, мне тоже было не по себе: давненько я не видел такого. Десантные операции среди шезлонгов и минеральных источников, думал я. Похищения людей, расстрелы вертолетов, нападения на вокзалы, взрывы термических мин. «Шаровые молнии», генераторы блок-полей и прочие изыски. Ясно, что власти были растеряны от такого нагромождения событий, посыпавшихся в один день – в день моего приезда. К хорошему привыкаешь быстро, а местные правоохранительные органы, как я понял, вот уже несколько лет сидели без дела. Уто-раздило же меня, думал я, испытывая острое чувство досады. Я был просто туристом, и вмешиваться в происходящее никак не входило в мои планы. В городе и стране насчитывалось не так уж много полицейских, но это было их делом – разгадывать криминальные кроссворды. «Ну и что с того, что в день моего приезда... – спорил я непонятно с кем. – Положительно не вижу связи...»

Стасу я позвонил из уличного телефона. Дома у него опять не ответили, зато на работе голос секретарши уже не был таким безмятежно учтивым. На мой бесхитростный вопрос: «Где же его все-таки найти?» меня попросили оставить свои координаты, что я и сделал. Похоже, они там сами не знали, где босс. «Он, случаем, не ранен? – наконец забеспокоился я. – Уполз куда-нибудь умирать?» «Да что вы такое говорите!» – перепугались на том конце. Вот будет смешно, если мы разминемся, подумал я. В прошлый приезд я не знал, что Стас здесь обосновался, только после переворота мы с ним встретились, и то случайно. Не хотелось бы опять полагаться на милость случайностей... Или он вправду тяжело заболел? Но ведь оторванные, оттянутые рыбаки не болеют! Бляха, которого я знал, обожал, чтобы было много огня, шума и красивых, звучных речей, ради этого он готов был и в ящик сыграть (как выражаемся мы),

ради этого он согласился бы и на редиску снизу посмотреть (как выражаются немцы), но если такие люди предпочитают встречу с лечащим врачом встрече с другом детства – ох, какая скука ждет нас в будущем...

Некоторое время я размышлял о будущем.

В том смысле, конечно, куда мне теперь направиться. Я люблю размышлять о будущем, обманывая себя тем, что в этом и состоит работа писателя. И я понял, что должен немедленно идти к Строгову, поскольку если не сейчас, то когда? Славин, правда, предупреждал, что кто-то из наших сегодня к нему уже намылился, но, в конце концов, никакой очереди мы не устанавливали. Зачем, спрашивается, я сюда приехал? Я приехал проститься с Учителем, который умирает, который умирает вовсе не от старости или болезней, и никто не вправе откладывать нашу встречу, водя указующим пальцем по клеточкам невидимого плана-графика.

Принявши решение, я пошел к Строгову.

Если ты Учитель, у тебя обязательно должен быть Ученик, думал я, спускаясь по бесконечной лестнице к набережной. Иначе какой же ты Учитель? Именно наличие Ученика делает из незаурядного человека нечто большее. Если продолжить эту мысль, то неизбежно получишь следующую: эстафетная палочка передается из рук в руки только кому-то одному. Иначе говоря, свой Дух ты вряд ли сможешь поделить между всеми желающими. (И это слова межпланетника, скривился бы Славин. Позор коммунисту, атеисту Жилину!) К чему сводятся мои патетические размахивания руками? К тому, к тому! Хотя и не мной придумана операция под полусерьезным названием «Время учеников», призванная спасти нашего Дим-Димыча (а кто ее, кстати, придумал?), я с готовностью принял эту безумную идею. Хотя и прибыл я в этот город, откликнувшись на зов своих друзей по писательскому цеху, в окончательный успех дела мне все равно не верилось. Хотя и не верилось мне в возможность вернуть Строгова к жизни, но, похоже, на что-то я еще надеялся...

Вот и набережная, а лестница все текла и текла вниз по склону, увлекая меня к морю. Это была центральная пляжная лестница – мраморная, с башенками. Невозможно было представить, чтобы взять и сойти с нее в сторону.

Мы спасали Учителя, забыв, что спасти сначала нужно себя. Мы все поголовно назвались его учениками, не понимая, что ему нужен только один – Ученик. Нет, каждый из нас в глубине души это понимал, но опять же каждый втайне надеялся, мол, я – тот самый и есть. А кто-то был в этом уверен. Тогда как настоящий Ученик, вполне возможно, пропадал где-нибудь в Пырловке и был со Строговым не знаком, потому что ложный стыд мешал ему высунуть голову, и нам бы взять да разыскать этого парня, да привести его к Дим-Димычу за ручку, вместо того, чтобы дружно слетаться сюда со всех концов Ойкумены. А может, настоящий Ученик еще только учился читать по слогам? А может, Строгов вообще не хотел быть ничьим Учителем? И, кстати, насчет стыда, который на самом деле не бывает ложным. Интересно, кто-нибудь из нас испытает ли потом это чувство? Например, беллетрист Жилин?

Бриз, вдруг задувший с моря, очень вовремя проветрил мою голову. Сандалии увязли в песке, и я их снял. Я с изумлением обнаружил, что мраморная лестница давно закончилась, а передо мной – пространство без конца и без края. Дом Строгова остался где-то наверху и гораздо правее. «Строгий Дом». «Дом На Набережной»... Вокруг кипела жизнь. Веселые голые люди азартно играли в пляжный волейбол, другие голые люди зарывались в песок, ласточкой бросались в набегавшую волну, перекрикивались, общались, не обращая внимания на различия полов, и я понял, что попал на пляж натурастов. Это в исторической-то части города? Остроумно. Никто ни с кем не целовался, здесь были настоящие натурасты. Что ж, я люблю все настоящее, поэтому я закатал штаны, разделся до пояса, поддал ногой откатившийся ко мне мяч, а затем побрел кромкой прибоя, останавливаясь и с наслаждением наблюдая, как волны слизывают оставленные мною следы.

Неужели мне не хочется к Строгову, спросил я себя. Неужели я боюсь? Тогда какого рожна я сюда притащился? Повидаться с алкоголиком Славиным я мог и в Ленинграде, заглянув как-нибудь вечером в ресторан Дома писателя, а мрачного, болезненно серьезного Сорокина я мог легко отловить в его роскошном рабочем кабинете.

Раскинув руки, я подставил грудь морскому бризу.

– Моя любовь? Она седа, – нежно пропел кто-то, – глуха, слепа и безобразна...

Я на всякий случай оглянулся. Одна из валявшихся на песочке девушек, сняв с головы солнцезащитный шлем, помахала мне рукой и вспорхнула с места.

– Ты сегодня точен, – сказала она нормальным голосом.

Это была та самая безжалостная красавица, которую я видел утром возле киоска с кристаллофонами, это была та самая любительница музыки, которая с первого взгляда запала в мое подержанное сердце. Увы, она была в купальнике. Зато улыбалась – персонально мне.

– Я просто вежлив, – возразил я. – Как король.

– Я тебя знаю, – сказала она, – ты король из моего сна. Я позвала, и ты пришел.

Я посмотрел почему-то на часы. Меня позвали, и я пришел, мысленно согласился я, вспомнив записку на рукоятке чемодана. Шутки шутками, но было как раз четыре пополудни. Вернее, без пяти, но это дела не меняло. Мне назначили свидание на взморье, и вот я здесь. Я был сегодня точен. Случайно ли ноги принесли меня на центральную лестницу и заставили спуститься до самого дна? Кто руководил движением моих ног?

– Поможем друг другу проснуться, – пробормотал я. – Бог – это счастье. Носильщики хреновы...

– Ты веришь в Бога? – тут же спросила девушка.

– Скорее нет, чем да. Впрочем, в какого?

– Он – один. Не понимаю, как писатели могут не верить в Бога, просто болезнь какая-то, особенно среди фантастов. Надеюсь, ты не фантаст?

– Как можно, – укоризненно сказал я.

Она долго смеялась, кокетливо грозя мне пальцем, и тогда я повернулся и побрел дальше, поддевая пену ногами. Я решил проверить ситуацию на прочность, и красавица не обманула моих надежд, легко и естественно присоединившись ко мне, а может, она подтвердила тем самым худшие мои подозрения, – просчитывать варианты мне пока не хотелось. Похоже, она в самом деле знала, кто я такой, оттого и веселилась. Ну, Жилин, держись, сказал я себе, молоденькие поклонницы тебя все-таки зацапали. Дождался на старости лет. Впрочем, молоденькие ли?

– Хорошая у тебя легенда, – заговорила она, отсмеявшись. – Нет, я серьезно! К ребятам из Советского Союза здесь по-разному относятся, но писатель Жилин – это имя. Жаль, конечно, что ты не веришь в Бога, есть тут какое-то несоответствие, это сразу настораживает.

– Имя, а также фамилия, – ответил я. – Но я никогда не говорил, что не верю в Бога.

– Значит, веришь?

– Этого я тоже не говорил.

Девушка закатила глаза и глухо молвила:

– Он спросил страшным голосом: водку пьешь? Нет. В Бога веруешь? Нет. Истинно межпланетная душа!

Это была цитата. Из меня цитата, из кого же еще.

– Все очень мило, – строго сказал я ей. – И ты очень мила. Вот только насчет «легенды» я не понял. Легенд я не пишу, не тот жанр.

Или не тот возраст, подумал я. Не тот азарт, не те зубы. Самое время было спросить у прелестницы, кто она такая, этак невзначай перевести стрелку разговора с моих анкетных данных на ее, самое время было разобраться в правилах игры, которую со мной затеяли, но...

– Легенду про слег создал ты. – Она чувственно провела пальцем по моему животу, дойдя до шрама и остановившись. – А сам-то знаешь, что такое слег? Наплел в своих мемуарах про волновую психотехнику, про воздействие на центры наслаждений в крысиных мозгах... При чем здесь, вообще, мозг? Странно, что ты – ТЫ! – в этом не разобрался.

– Я разобрался, – обиделся я. – Может, мы сначала познакомимся, а уже потом поссоримся? Вы кто будете, прелестное дитя?

Незнакомка вела себя так, будто мы были с ней давно и хорошо знакомы, будто мы были близко знакомы. Нет, не так. Будто нас связывало нечто большее, чем близкое знакомство. Это немного шокировало.

Она пропустила мой вопрос мимо ушей.

– Ты хорошо помнишь свое последнее задание? – неожиданно спросила она.

– Которое? – Я напрягся.

– В этой стране. Под кодовым названием «Круги рая».

Я расслабился.

– А ты много читаешь, девочка. И что я, по-твоему, не понял про слег?

– Говоря о бездуховности, ты не признаешь наличие души, и в этом все дело. Слег заталкивает душу человека в мир, созданный его подсознанием, делает этот мир реальным – для него одного, конечно. Бессмертная душа сворачивается до размеров смертного мозга, а настоящая, Богом данная реальность сменяется ложной, в которой Бог – ты сам. Назови это энергетическим коконом, если терминология не нравится. Осознал ли ты тогда, что достаточно всего лишь раз дернуть за веревочку, чтобы дверь в истинную реальность закрылась навсегда? Всего один раз!

– Смотри, какое море, – восхитился я, положил руку девушке на плечо и притянул ее к себе. – Смотри, какое небо. А ты мне тут о слегах. Сколько тебе лет?

В ответ она обняла меня за талию.

– Я половозрелая и совершеннолетняя.

– Спасибо за предупреждение. А что за песенка у тебя была? «Моя любовь седа...»

Она послушно спела:

Моя любовь? Она седа,
глуха, слепа и безобразна.
Как счастье – несуразна.
Не оттого ль, что навсегда...⁴

Спев один куплет, она объяснила:

– Это Володя Гончар сочинил, лучший в городе инструктор.

– Инструктор чего?

– Ты еще не был на холме, – поняла она. – Обязательно сходи...

Некоторое время мы молчали. Было просто хорошо, и ни о чем не хотелось говорить, не хотелось также думать и что-то там анализировать. Да, я вел себя безобразно. Потому что девчонка мне безобразно нравилась, и если она предпочитала напустить таинственности, так и пусть ее, всему свое время, к тому же на нас поглядывали, я ловил заинтересованные взгляды других пляжных мальчиков и девочек, что, в общем-то, было мне привычно, ведь за свои полвека я отлично сохранился, никакой «Идеал» работы скульптора В.Бриг не мог тягаться со мною, сделанным из плоти и крови, а божественное создание, прижимавшееся сбоку, было полно искренности, так какого черта, спрашивал я себя, какого черта я должен быть не тем, кто я есть? А потом моя безымянная подруга решительным образом заявила:

⁴ Здесь и далее – стихи Владимира Гончара.

– Так вот, о слеге. Помнишь ли ты, как семь лет назад, решив испытать все на себе, ты погрузил свое тело в ванну и включил эту чертову штуку, стоявшую на полочке? Возникает естественный вопрос. Уверен ли ты, что проснулся тогда? Не плод ли твоего подсознания все то, что ты с тех пор видел и испытал?

Я даже споткнулся. Как выяснилось, рано я расслаблялся.

– Ложная реальность тоже дана нам в ощущениях, – заключила она. – Ты хотел поприжать тупиц и карьеристов из Службы контроля, ты очень хотел предупредить человечество о слеге, чтобы спасти мир в целом и эту страну в частности. И ты победил, ты ведь очень волевой человек. В мечтах! Ну что, нравится тебе такая версия?.. – Опять она захохотала. – Памятник самому себе придумал! Блеск!

Как реагировать, было непонятно. Как достойно отреагировать. Есть все-таки на свете страшные вещи, которые в первые мгновения могут вывести из равновесия даже самых устойчивых и крепких. Я снял руку с плеча спутницы, она также отпустила меня, отстранилась, и нашей красивой пары не стало.

– Семь лет назад я, КОНЕЧНО, проснулся, – максимально спокойно ответил я. – И уж, КОНЕЧНО, ты – не продукт моего воображения.

Мы остановились. Она смотрела на меня, не мигая.

– Я сказала не «воображения», а «подсознания». Предположим, после первого раза ты проснулся, но неужели успел забыть, как вместо честного и профессионального рапорта ты отправил своему начальнику небылицу и снова залез в ванну, на этот раз включив подогрев воды? И сразу все стало, как надо. Ты героически сражался со слегом, а твой начальник не мог простить тебе, что в известной книге ты раскрыл публике его имя. Но существует ли эта книга где-нибудь еще, кроме как внутри твоего кокона? Уверен, что ты и во второй раз проснулся?

Это было слишком.

– Хватит, – сказал я. – Уже не смешно.

Очевидно, я рассвирепел отнюдь не понарошку, что случается нечасто.

– Не было второго раза, – произнес я с расстановкой и вдруг осознал, где мы, кто мы и о чем говорим.

Наваждение прошло! Нужно было брать чертовку за ноги, переворачивать вниз головой и вытряхивать из нее правду.

– Но если ты сейчас бодр, психически здоров, трезв и все такое, – терпеливо сказала она, – почему тогда ты потерял способность чувствовать боль?

Я замер. О чем она опять?

– Хочешь проверить? Подержи, пожалуйста.

Красавица напялила на меня солнцезащитный шлем. Затем, не спрашивая разрешения, захватила мою левую руку, оттянула пальцами кожу в районе предплечья и медленно, с усилием проткнула это место... спицей.

Спицей? Откуда взялась спица, что за фокусы?! Инструмент прошил мне кожу насквозь, как в цирках показывают, затем был рывком выдернут. Боли не было. Крови тоже. Рука двигалась... Все это происходило как будто не со мной.

– Вот видишь, – сказала ведьма голосом, полным материнской заботы. – Реальность дает сбои. От скуки ты придумал себе новое задание и очень хочешь его выполнить, но ведь теперь ты еще кое-что захотел. Ты ждешь, когда я разденусь, правда? Мне раздеться?

Я молчал и рассматривал свою руку. Ранки были, а боли не было. Совсем.

– Пойдем вон туда, для двоих там хватит места. – Она показала на одичавший парк, раскинувшийся по прибрежным склонам. – И дружинников там не бывает.

Заросли акации начинались сразу, где кончался пляж. Далее шли магнолии, каштаны, дикие смоковницы и прочая зелень. Помимо растительности, в парке имелось множество романтических гротов, в которых легко и приятно было прятаться от посторонних глаз.

– В мире, где ты Бог, исполняется даже то, о чем ты не просишь, – кивнула мне незнакомка.

Она развернулась и пошла к зарослям, вылезая на ходу из купальника. Она не сомневалась, что я, как голодный зверь, поползу следом. Я сделал за ней шаг, еще шаг, и заставил себя остановиться.

– Как насчет Эмми? – позвал я ее. – Эмми не будет ревновать?

Она не обернулась. Лифчик она взяла в одну руку, в другую – трусики, и принялась крутить эти предметы над своей головой, изображая винт взлетающего вертолета.

Глава седьмая

Пространство вокруг Государственного Совета нисколько не изменилось. Тот же перекресток, та же система крытых аллей; ротонда с минеральным источником, киоски, лотки и закусовые. Ноги принесли меня сюда без участия воли, дав отставному агенту время прийти в себя.

Дурацкий солнцезащитный шлем, оставшийся мне от стигнувшей ведьмы, я сообразил наконец сунуть в один из уличных утилизаторов, после чего направился к лотку с прессой.

– Здравия желаю, дружок, – сказал я давешнему продавцу, отвлекая его от процесса чтения. – За мной долг, если вы не забыли. Сколько вот эта газетка стоила? – Я ткнул пальцем в «Хроники добра» и насыпал на стол горстку мелочи. – Примите мои извинения.

Честь межпланетника была восстановлена. Когда с расчетами покончили, я спросил:

– Не подскажете, как отсюда попасть на холм?

Парень оживился.

– Вы правильно решили, – сказал он.

– Что я решил?

– В первый же день – на холм.

– Это за меня решили, – вздохнул я. – Ну, так как?

– Вам надо в Университет. Знаете, где Университет?

Я знал, где Университет. Мне бы не знать этого! Впрочем, насколько я помнил, рельеф там был ровный, как блин, никаких вам холмов, курганов или горных кряжей.

– С какой стороны от замка?

– Придете и сразу увидите, – успокоил меня продавец. – Это перед главным корпусом... – Он со значением заглянул мне в глаза. – Я рад, что вы будете с нами.

Я придвинулся к нему поближе и спросил вполголоса:

– А кто еще с нами? Если не секрет, конечно.

Парень задумался, как будто здесь было над чем думать. Очень серьезный человек, трудно с такими разговаривать.

– Все население, – ответил он с плохо скрываемой гордостью. – Так что трагедия Ташлинска у нас не повторится.

– Население чего?

– Пока страны. Но, я уверен, проблем не возникнет и за ее пределами. Кому не хочется быть здоровым, жить фантастически долго и всю счастливую жизнь видеть... не сны, нет! Не поворачивается язык назвать это снами.

– Новая реальность, – подсказал я, вспомнив почему-то о слеге.

– Вот именно, очень точно вы сказали! А цена так мала. Чуть-чуть изменись, пойми, что преграда – это твоя алчность и твоя агрессивность...

– Значит, трагедия не повторится? – прервал я его. – Отлично, я больше люблю комедии.

– Ах, вряд ли вы слышали, – спохватился он. – Ташлинск – это городок в России, далеко отсюда. Однажды люди там пытались зажить по-новому, слиться с природой. Они приняли мученическую смерть. Дикая страна. Ошибка была в том, что они с самого начала противопоставили себя всему остальному миру.

Под Ольденбургом, мысленно добавил я, перетряхнув в голове архивы. Начало века. Материалы следствия, оставленные потомкам, рассказывали о ничем не мотивированных погромах, спровоцированных сбрендившими лицеистами. О провокаторе в лице директора лицея, которого потом судили и расстреляли... Что тут было возвышенного?

– Ничего-то у вас не выйдет, друзья, – доверительно сообщил я этому симпатичному пареньку. – Сколько таких было до вас, которые собирались человека менять! Но я – с вами. Я с вами, честное скаутское.

Возможно, я бы еще что-то сказал, прежде чем удалиться, возможно, мне что-то ответили бы, но тут с неба слаженно упали микролеты класса «колибри» – три аппарата, три точки, образовавшие равносторонний треугольник, – и в центре этой фигуры оказался наш лоток. С кожаных сидений поспрыгивали пилоты в костюмах и галстуках. Не теряя темпа, они двинулись упругим шагом к нам, а чуть поодаль сел четырехместный «кузнечик», из которого почему-то никто не вылез. Судя по звукам, где-то кто-то продолжал садиться, но другие летательные аппараты были мне не видны.

– Это за мной, – всхлипнул продавец, посерев лицом. Он схватил со стола электронный блокнот и выдрал дрожащими пальцами кристалл из гнезда. Блокнот умер мгновенно, без мучений. Кристалл был брошен на асфальт и раздавлен каблуком – в крошево: мальчик наивно полагал, будто таким образом что-то уничтожает. Не подозревал, бедняга, что опытный эксперт прочтет всю его информацию не то что с осколков – с пыли.

Когда к нам подошли, он торопливо собирался, бросая газеты и журналы на пневмотележку. Однако ему сказали: «Да вы не волнуйтесь», а мне сказали: «Ну ты, спокойно!», а потом ему сказали: «Счастливо оставаться», а мне сказали: «Добро пожаловать», и я понял, что впервые за несколько минувших часов у меня есть хоть какой-то план действий.

Подошедшие, увы, не представились.

– Не могу идти, сандалий порвался, – поспешил я заговорить – прежде, чем в воздухе мелькнут наручники.

Один произвольно посмотрел вниз, и этого было достаточно, чтобы я его выключил. С двумя другими дело обстояло сложнее, они сразу отскочили – зубы стиснуты, разрядники наизготовку, – но из «кузнечика» высунулся некто и каркнул что было сил: «Не стрелять!» Очевидно, это был старший, ответственный за операцию. Я и сам догадывался, что стрелять они не станут ни при каком раскладе, разве что ампулой со слоновьим, да и то сомнительно, ибо номер ячейки в неведомой камере хранения был только в моей голове. Как моя драгоценная голова отреагирует на слоновьей, особенно после утренней нейроволновой атаки? Рисковать они не могли, вряд ли им годился для беседы клинический идиот. И я пошел.

Это была непростая работа, но все же легче, чем в Маниле. После Манилы никакая работа не покажется трудной. Было даже любопытно, каким образом эти двое меня остановят, и вскоре ответ был получен – в виде разодранной на мне рубашки. Одному я сломал руку, второй поймал зубами собственный разрядник, а слева набегал еще кто-то, и справа – еще кто-то, и оба неудачно упали, и потом, уже за моей спиной, долго пытались подняться. Меня трудно остановить, если я куда-то иду. Сандалии мешали: их я сбросил; лохмотья, оставшиеся от рубашки, осыпались сами. Сказать, что план действий был прост, значит ничего не сказать – он был единственно возможен. Знал я их методы, сам не раз брал таких мерзавцев, какого сделали нынче из меня. Бежать куда-либо в сторону, прорываться, прятаться было глупо, кольцо вокруг уже замкнулось. Интересно, думал я, нашли они что-нибудь в вокзальных камерах хранения? Или это вовсе не ОНИ вздумали сейчас меня похитить? Тогда кто?

Сзади и сбоку мчалось подкрепление, которое явно запаздывало. Я двигался прямо на «кузнечик», одолевая плотный, как стена, воздух. Вертолет крутил лопастями с видимой неохотой, однако эта вялость была обманчива: аппарат с импульсным взлетом исчезает с места практически мгновенно. Лишь бы пилот не ударился в панику, молил я, лишь бы не нажал на кнопчку. Навстречу мне вылезал старший, надсаживая голосовые связки: «Стой, дурак, полиция!» Он был такая же полиция, как я – культовый писатель, поэтому я не стал вступать с ним в прения, я дернул его за галстук вниз, себе под ноги, и, удобно оттолкнувшись от его спины, как от трамплина, запрыгнул в салон вертолета. «Ты сам или помочь?» – поинтересо-

вался я у пилота. Тот оказался сообразительным малым, а может, человека просто напугали мои шрамы вкупе с босыми ногами, – он канул из кабины прочь, и больше мне никто не мешал.

Управляться с разными типами летательных аппаратов нас учили еще на первом курсе разведшколы. Мне, бывшему космопроходцу, было это не сложнее, чем отфокусировать фотонный реактор. Я включил пневмоускоритель и взял рычаг на себя. Небо резко придвинулось, уши заложило, город остался глубоко внизу. Мгновенно сориентировавшись, я пошел обратно к земле, превращая параболу в спираль. Вряд ли кто-то успел полюбоваться моим полетом и, тем более, «схватить за хвост» траекторию посадки. К Университету, безмятежно мыслилось мне, куда же еще. Что за холм образовался на ровном месте, что за кочка такая?..

Я сел на набережной, возле конечной станции фуникулера. Дом Строгова прятался метрах в тридцати – среди шелковицы и диких абрикосов. Видна была только стеклянная башенка, откуда старец любил смотреть на звезды, и был виден фрагмент высокого крыльца, ступеньки которого спускались прямо к мозаичной мостовой. Смелее, это же Учитель, подбадривал я сам себя. Если не сейчас, то когда? Дадут ли мне такую возможность позже?

Я прыгнул на мостовую и сразу увидел Славина с Баневым. Братья-писатели стояли у парапета, опираясь локтями о гранит, и смотрели вниз, на купающихся. Меня они не замечали. Я подошел, промокая носовым платком ссадину на плече (один из падающих бойцов проехался по мне своей кобурой). Ссадина слегка кровоточила.

– А я просто хотел его навестить, – цедил сквозь зубы трезвый Славин. – И всё, понимаешь? Всё! Не прощаться, не салютовать у гроба! Или ты тоже думаешь, как и эти ваши классики с современниками, что русский медведь уполз в берлогу умирать?

– Ты прекрасно знаешь, во что я ставлю мнение генералов от литературы, – отвечал Банев напряженным голосом. – Но ты никогда не задавал себе вопрос, зачем он здесь?

Судя по всему, сложный был у них разговор.

– Избушка, избушка, – позвал я, – повернись к морю задом, ко мне передом.

Они мельком глянули на меня.

– Откуда ты такой? – равнодушно спросил Славин.

– Из морской пены.

– Я же тебя просил, не надо к нему сегодня.

– Не было такого, – возразил я. – Открою страшную тайну. В этом мире вообще ничего не было и нет, кроме моих больных фантазий.

Виктор Банев молчал. Теперь он смотрел не на море, а на крыльцо, ведущее в дом Строгова.

– Ты от местного психиатра, что ли? – посочувствовал мне Евгений.

– Нет, одна знакомая богиня рассказала.

– Все мираж, в том числе одежда, – задумчиво произнес Банев. Очевидно, он имел в виду мой внешний вид. – Послушай, Эвгениус, мы не договорили. Так почему, по-твоему, Дим-Дим здесь поселился?

– Дим-Дим – в Дим-Доме... – усмехнулся Славин. – Не надо усложнять, Виктуар. Во-первых, Строгов привык жить вне России, вернее, успел за долгие годы отвыкнуть от России, во-вторых, ответ ясен. Он спрятался от мира. В том числе от нас, между прочим. Написал все, что мог и что хотел, и теперь думает, что сказать людям ему больше нечего. Разве не для того мы здесь, чтобы переубедить его?

– Только кретин может стараться переубедить писателя, который все написал, – с неожиданной резкостью отозвался Банев. – Писательская жизнь, как известно, редко совпадает с человеческой, потому что гораздо короче. Лет десять, пятнадцать, от силы двадцать, в течение которых пишутся основные книги. Ты что, не понял вопрос?

– Не глупее некоторых, – обиделся Славин. – Я тебе, Банев, вот что скажу. Строгов полсотни лет выстраивал нового человека, Хомо Футуруса своего, представлял, каким человек

будет и каким должен быть. И разочаровался. Посчитал, что все зря, что человек будущего – это фантастика. Он ведь не фантаст, наш Димыч...

Друзья сцепились крепко, забыв о моем существовании.

Хорошие они были ребята, я любил их обоих. И дружили они хорошо, на зависть. Литераторы по призванию, а не по обстоятельствам, в отличие от меня. Как и все остальные птенцы литературного Питомника, организованного и брошенного Строговым, они были всерьез озабочены проблемой Будущего. Я вошел в их круг позже всех, когда Питомника, собственно, уже не стало, но я был озабочен тем же.

– Ошибаешься, – сказал Банев. – Именно как фантаст он и почувствовал, что отсюда, из этой маленькой страны все начнется. Он должен был увидеть это собственными глазами, потому и приехал. Вот что я пытаюсь вам втолковать. Неужели ты сам не чувствуешь того же?

– «Чувствуешь», – передразнил Славин. – А может, как раз отсюда все кончится? Почему наш затворник никогда не покидает свой дом, если нашел в этой стране смысл жизни? Чувства часто выдают желаемое за действительное, превращают минус в плюс, о чем, по-моему, писатель Строгов знает куда лучше бывшего врача Банева...

И мучались они, как видно, тем же, чем я – оттого и спорили, пытаюсь убедить не друг друга, а самих себя. Ведь что, собственно, происходило? Благодарные ученики, сговорившись, осадили крепость, в которой их Учитель спрятался от мира. Птенцы по очереди залетали в священное гнездо с единственной целью – зацепить уставшего от жизни старца, дать погибающему заряд злости. Спасительной злости. И тем самым ученики опровергали Учителя по настоящему, ибо его мечты об изменении мотивационных сил общества, его психологические модели нового человека разбивались в щепки об этот простенький рецепт, имя которому «спасительная злость»... Кто-то убеждал Строгова, что воспитать Номо Futūrus, Человека Будущего, можно только с помощью гипнотронного излучения, кто-то доказывал как дважды два, что его знаменитая формула радости: «Друг-Любовь-Работа» является на деле формулой горя и подлости... Был ли в этом хоть какой-то смысл?

– ...О будущем известно только одно: оно окажется абсолютно не таким, каким мы его представляем, вот главное его свойство, – вещал Славин. – Ты помнишь, чья это цитата, или напомнить? Нет никаких оснований видеть в здешних диковинах ростки чего-то там зеленого и раскидистого, потому что в конце концов все это может оказаться... ну, скажем, неизвестной формой наркомании.

– Тебе просто нажраться не дали, ты и кривишь морду, – отвечал культурный, изысканный Банев. – Что ты можешь знать о наркомании, бывший историк?.. Кстати, он бросил пить, – по секрету объяснил мне Банев. – Когда выяснил, что пустые бутылки обратно не принимают, а за их утилизацию нужно заплатить отдельной строкой в счете, потому что они не влезают в гостиничные утилизаторы.

– Врешь, как габровец! – вспыхнул Славин.

Я люблю вас обоих, думал я, наслаждаясь своим молчанием. Дикости и странности прошедшего дня временно отпускали разум. Возможность просто стоять и смотреть на живых, увлеченных друг другом людей, возвращала покой в мою душу, – в душу, существование которой и впрямь вызывало у меня серьезные сомнения, права ты была, девочка. Какие же вы у меня разные, умилялся я, и какие вы при том одинаково прекрасные. Два лебедя, вылетевшие из Питомника. Ты, Славин, очень хороший писатель, без дураков, романтик, оттого и пьяница, оттого и прикидываешься циником, а ты, популярный Банев, гораздо менее мне понятен, хотя бы потому, что на дух не переносишь спиртное, и это даже интересно, потому что я возьму и поменяю вас местами, герои. Я отберу у тебя национальность, Виктуар, вместе с твоей вежливостью и жесткостью, ты станешь у меня веселым хамом, пропойцей с горячим сердцем поэта; тебя же, эстетствующий Славин, мы выбросим с земли в космос, и окажешься ты в обществе

новых людей, где все как один будут Хомо Футурусы, так что развлекаться тебе не дадут, ибо сказано преподобным Жилиным: «Межпланетники не пьют ни капли», конец цитаты...

Когда я всплыл, моих друзей совсем своротило набок. Оказалось, они уже обсуждали проблемы наркомании, легкомысленно перепрыгнув с темы на тему.

...Пусть наркоманами не становятся, а рождаются, азартно соглашался Славин, пусть каждый десятый – генетически предрасположен к нейрохимической зависимости. Это, конечно, большой процент, но речь-то о другом... (Забавно было слышать подобное от шалопая, который зависел от алкоголя напоказ, не скрываясь по подсобкам.) ...Речь о том, что внутренняя тяга, потребность бежать из реальности есть у каждого человека! И заглушается она чаще всего страхом. Если зелье дает желаемый кайф, но при этом наносит непоправимый вред организму, то применение его связано с неизбежным стрессом, поскольку человек, в отличие от подопытных крыс, знает о последствиях. А теперь представим, что наркотик перешел в своем развитии на следующую ступень: стал почти безвреден и не вызывает никакого иного привыкания, кроме психологического. Это, дорогие товарищи, нынешний этап, гвоздил он. Психоволновая техника и все такое... Не так уж грезогенераторы безвредны, как кому-то хотелось бы, квалифицированно возражал Банев, потому что никакое излучение не бывает безвредным, и не знают об этом разве что спившиеся историки... Ну пусть, пусть, отмахивался Славин. Теперь представим, что найдено средство, которое не просто дарит кайф, но при этом оздоравливает организм. Осознали, представили? Это будет третий и последний этап – наркотик, который продлевает жизнь. В условиях, когда сдерживающий страх превращается в свою противоположность, что может остановить подсознательное стремление к кайфу? Человек с нормальной эндокринной системой тоже хочет прожить долгую здоровую жизнь. А то, что платой будет наша осточертевшая реальность – разве это плата, разве это не дополнительный приз? Разум, увы, проголосует «за» и, тем более, инстинкт самосохранения...

– Ты ступаешь краски, – спокойно сказал Банев. – Игра ума, не имеющая отношения к здешним странностям. Ты ведь про этот город говорил, правда? Кстати, Ваня, вам хочется снова испытать слег? – неожиданно обратился он ко мне. – Простите, конечно, за глупый вопрос.

Они оба посмотрели на меня.

– Почему глупый? – сказал я. – Поначалу хотелось несперпимо.

– А если бы слег продлевал твою бесценную жизнь? – тут же кинул Славин.

Я пожал плечами. В чем-то он был прав, по крайней мере, в отношении сдерживающего страха. К счастью, миф о том, что слег можно сделать безвредным, не подтвердился. И к той, без ложной скромности, панике, которую мне удалось вызвать своей книгой среди обычных людей (по Славину – людей со здоровой эндокринной системой), быстро добавилось вполне рациональное отторжение чисто медицинского свойства. А если бы нечем было подкрепить возшедшие в обществе побегі страха?

Думать на эти темы мне давно уже не хотелось.

– Отстаньте, – сказал я. – Вот вам один из способов борьбы, патентуйте. На ваш супернаркотик клиенту должно хватать зарплаты, иначе инстинкт самосохранения обязательно проголосует против. Взвинтите цены на жратву и получите вместо всеобщего кайфа голодные бунты.

– Ты валюту обменял? – спросил меня Славин.

– Да.

Он подмигнул Баневу этак хитро:

– Тогда пожелаем товарищу хороших снов.

Тот не отреагировал. Виктуар опять смотрел на дом Строгова, и во взгляде его было что-то больное, жалкое. Я тоже посмотрел. Некто в белом костюме медленно спускался по ступенькам крыльца; шляпа на тесемках потерянно болталась за спиной. Ноги человека словно веревкой были опутаны, и словно тяжеленное бревно тянуло его плечи к земле, и держался

он руками за щеки, а щеки-то пылали, украшая мраморное, лишённое загара лицо... Я не сразу его узнал. Это был Сорокин, председатель европейского Союза Писателей. Добрел до мостовой, постоял, раскачиваясь, и двинулся прямо на нас, никого вокруг не замечая.

Мы тактично отвернулись. Славин чуть слышно пробормотал:

– Если тебе делают клизму – расслабься и постарайся получить удовольствие. Советуют психологи...

Веселиться было не над чем, впрочем, Славин и не веселился. Не знаю, о чем в эти неловкие минуты думали мои братья-писатели, я же думал о том, каково оно – спускаться по этой лестнице. Жалко было Сорокина, жалко было Строгова, но больше всего – себя; и я отчетливо понял, что сегодня туда не пойду. Завтра. Сделаем это завтра... Сорокин проследовал мимо, однако дружеская болтовня больше не возобновлялась. Бессмысленная пауза тянулась бы вечно, если бы с неба не явился характерный звук, а на набережную не опустился бы полицейский вертолет, распугав дружную компанию чаек. Из кабины выбрался лейтенант Сикорски.

Целебная улыбка, которой этот добряк скрашивал мое пребывание в больнице, куда-то подевалась. И на потомственного торговца маслинами он больше не походил. Офицер увидел «кузнечик», брошенный под финиковой пальмой, и потемнел лицом. Потом он обнаружил меня. Его роскошные уши встали торчком, как у кота. Он приблизился враскачку и спросил, показывая на «кузнечика»:

– Чей это аппарат?

– Откуда нам знать? – на редкость честно удивился Банев. – По-моему, эта штука давно тут стоит.

Не поверить Баневу было невозможно. Сикорски расстегнул ворот форменной рубашки и вытер ладонью взмокшую холку.

– Я был почти уверен, что найду вас, Иван, – сказал мне лейтенант. – Мы вас повсюду ищем. А я им говорю: он у Строгова, у кого же еще...

Это был конец. Я мысленно застонал, потому что сомневаться не приходилось: именно здесь, именно сейчас мой незадавшийся отпуск развалился окончательно.

– Что случилось, Руди? – кротко поинтересовался я.

Он осмотрел меня с ног до головы, обратив особое внимание на разбитые костяшки пальцев:

– Я вижу, вы спорили о литературе. О, это небезопасно.

Мы отошли в сторону.

– Итак, – напомнил я.

– Не поймите превратно, – сказал он, – но мы снова вынуждены снять с вас показания. Половина «Олимпиада» видела, как вы разговаривали с Кони Вардас. Это сотрудница отеля, припоминаете?

– Ну и что с того? – возразил я.

– Мы ведь не спрашиваем вас ни о чем другом, Иван, – сказал он с упреком. – В конце концов, это ваше дело, какими приключениями скрашивать свой досуг. Проблема в том, что вы, вероятно, были последним, с кем разговаривала цветочница.

Я молча ждал. В груди у меня вдруг что-то разболелось.

– Сеньорита Вардас убита, – объяснил лейтенант Сикорски, испытующе глядя мне в глаза. – Зарезана в массажном кабинете. Пройдемте, пожалуйста, в вертолет.

Он жестом указал путь и через силу улыбнулся.

Глава восьмая

Надпись над входом в гостиницу опять сменилась. Теперь там горело: «ПРИЯТНЫЙ ВЕЧЕР!», для того, видимо, чтобы никто не перепутал. Бассейн, подсвеченный изнутри, сверкал, как гигантский бриллиант; воздушные светильники, удерживаемые невидимыми нитями, парили над головами; и по углам фасада, во всю высоту здания, переливались жемчугом вертикально размещенные лозунги, «СПОКОЙСТВИЕ» – справа, «УВЕРЕННОСТЬ» – слева... Я уселся в парке на площади, неподалеку от памятника, и принялся ждать. Было у меня ощущение, что мне есть чего ждать, и я решил перестать прятаться. Если Жилин все еще кому-то нужен, этот кто-то обязательно появится, потому что лучшее место для свиданий трудно подыскать. Если же этот демарш ничем не закончится – тоже неплохо, скоротаем время. С Татьяной Горбовски я договорился на девять вечера. Принято ли здесь являться в гости раньше срока? Что теперь здесь, вообще, принято и что не принято?

Изменения, произошедшие с этой карликовой страной, потрясали. Не то чтобы она стала еще более цветущей (я знал чертову уйму мест на планете, где комфорт был несравнимо выше). Станным образом изменились люди. Конечно, попадались и привычные, назовем их так, экземпляры, но погоды они не делали. Слова «ложь», «алчность», «агрессивность» в самом деле превратились в худшие из ругательств, причем, подшучивать над этим мне больше не хотелось, потому что я наконец понял – это не поза. Люди желали добра каждому встречному вовсе не по принципу «турист всегда прав, лишь бы платил». Они не притворялись, вот что было самым странным. Они были довольны жизнью самой по себе, и жизнь их проходила в нескончаемом поиске невидимой глазу гармонии. Или я ошибался? Одно не вызывало сомнений: «общественная мораль» семь минувших лет неведомыми путями трансформировалась в нравственность, спустившись с ханжеских высот до уровня отдельно взятой личности. И не было этому никаких разумных объяснений... Кто же вас подменил, удивлялся я, устраиваясь поудобнее на парковой скамейке, что за эксперимент по выведению нового человека? Может, и впрямь мудрый Строгов что-то увидел в местных метаморфозах? Тогда почему ему так плохо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.